

Евсюков Дмитрий Евгеньевич

Родился в 1975 г. в г. Новосибирске, проживает в г. Москве. Историк-краевед, участник региональных и всероссийских конференций, автор ряда статей по истории заселения южного порубежья российского государства в XVII в., процессу образования отдельных населённых пунктов, крестьянскому переселению в Сибирь, истории старообрядчества Томской губернии XIX в. Собирает информацию по следующим родам: Евсюковы, Рашины (Белгородская обл.), Андреевы, Чечулины (Новосибирская обл.), Литвиновы, Чумаковы (Волгоградская обл.), Нестеровы (Свердловская обл., Алтайский кр.), Булдаковы (Кировская обл., Алтайский кр.), Протасовы (Алтайский кр.), Ленинг (поволжские немцы), большинство родословий прослежено до XVII-XVIII вв.

Сайт: www.evsyukov.ru, адрес электронной почты: gen-evs@mail.ru.

ЧЕЧУЛИНЫ – КРЕСТЬЯНЕ-СТАРОЖИЛЫ СЕЛА УСТЬЯНЦЕВО, КАИНСКОГО УЕЗДА, ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

*Посвящается моему дедушке
Александру Алексеевичу Чечулину (1929–2007),
доктору философских наук, профессору,
члену-корреспонденту Международной
академии психологических наук.*

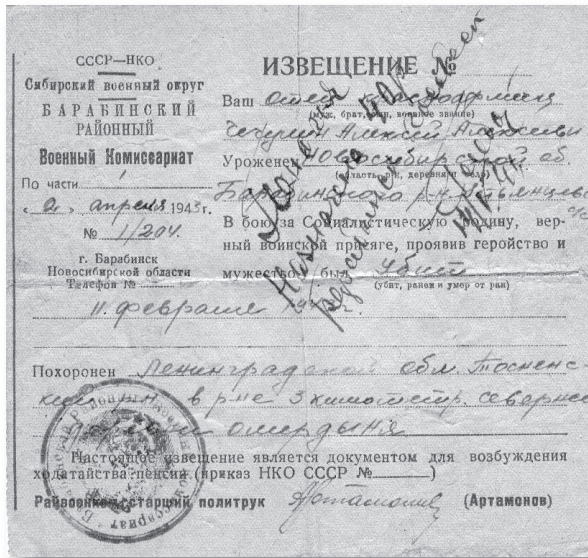
Краткая предыстория

Эта статья о Чечулиных – сибирских крестьянах-старожилах, несколько столетий назад освоивших суровую сибирскую землю и обосновавшихся здесь на долгие годы. Мой дедушка и его братья родились в 20-е гг. XX в. в с. Устьянцево [1] нынешнего Барабинского р-на, Новосибирской обл. Чечулины здесь жили издавна. Среди родственников – Митрохины, Кетовы, Андреевы и другие. Когда в далёком 1999 г. я начал расспрашивать родных о наших предках, мне было известно только то, что мой прадед Алексей Алексеевич Чечулин погиб на Великой Отечественной войне, где-то под Ленинградом, а до революции пел псалмы в церкви. Вскоре я узнал, что прадед родился в 1893 г., и то ли отец, то ли мать у него был(а) неродным(ой).

Первое, что я сделал (а жил я тогда в Новосибирске), – отправился искать метрические книги села Устьянцево в читальный зал Государственного архива Новосибирской обл. Однако здесь меня ждало быстрое разочарование – нужный мне фонд был закрыт на переработку в связи с поступлением большого количества метрических книг из районов области. Ранее они хранились в районных архивах, и за пару месяцев до моего визита их начали передавать на хранение в ГАНО. Сколько продлится этот процесс, тогда никто не знал...

Затем я направил запрос в Государственный архив Томской обл., откуда мне в начале 2001 г. пришёл неутешительный ответ: «Метрические книги церкви села Устьянцево за 1893 год на хранение не поступали», а в клировых ведомостях [2] по сельской церкви за 1913 г. сотрудники архива упоминаний о моём прадеде не нашли. [3]

А ещё я отправил письмо буквально «на деревню дедушке»... [4] Рассказал, что ищу родственников, перечислил то, что уже знал к тому моменту, и послал его по почте в Устьянцево, написав на конверте просто «Чечулиным». Ответила почтальон – оказалось, что жива ещё была местная бабушка, баба Лана [5], которая помнила, как они с моим прадедом вместе ходили сдавать молоко в колхоз.

Извещение о гибели А.А. Чечулина, 1943 г.

Поскольку продвинуться в поисках по архивным источникам тогда сходу не удалось, я направил все усилия на систематизацию семейного архива (документов и фотографий), а также стал записывать воспоминания о жизни предков, которыми охотно делились сыновья и племянница моего прадеда. Эти воспоминания и легли в основу настоящей статьи.

Среди документов в семье сохранился потёртый листочек-похоронка (см. ил. на стр. 96) – адресованное моему деду извещение от Барабинского районного Военного комиссариата, сухие строчки которого сообщали: «Ваш отец, красноармеец Чечулин Алексей Алексеевич, уроженец Новосибирской обл., Барабинского р-на, Устьянцевского сельсовета, в бою

за Социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 11 февраля 1943 г. Похоронен в Ленинградской обл., Тосненский р-н, в районе 3 километров севернее д. Омердыня». Небольшое расследование показало, что ни один из его четырёх сыновей не был на могиле отца, более того, никакой д. Омердыня в Ленинградской обл. я не нашёл... Уже позже выяснилось, что в извещение вкралась ошибка в названии населённого пункта, а захоронение военного времени было перенесено на другое место.

Как же я об этом узнал?.. Летом 2001 г., будучи в Санкт-Петербурге по работе, позвонил в военкомат Ленинградской обл. (в то время на улицах ещё стояли телефоны-автоматы) и оставил им заявку на поиск. Перезвонив через день или два, с радостью узнал, что информацию о захоронении нашли! Оказывается, деревня, где был первоначально похоронен прадед, называлась не Омердыня, а Смердыня! Кроме того, кладбище военного времени было временное и в 1960 г. воины с подобных окрестных захоронений были перезахоронены на братском кладбище «Берёзовая аллея» в городе Любань, Тосненского района. Мне посоветовали поехать туда лично и обратиться в местную администрацию, что я, не откладывая, и сделал.

В городской администрации мне выдали толстую (более 900 листов) книгу со списком захоронения, напечатанную на печатной машинке. В ней были перечислены имена почти 10 тысяч бойцов, среди которых под номером 7171 был записан и мой прадед, рядовой Алексей Алексеевич Чечулин, воинская часть п/п 217 [6], место гибели д. Смердыня, дата гибели 11.02.43 г. Теперь все подобные книги, как и сами донесения о безвозвратных потерях, оцифрованы и доступны на порталах «Мемориал» и «Память народа» [7], поэтому эти сведения можно найти, не выходя из дома. Но тогда такого способа поиска ещё не существовало. Я отправился на кладбище (см. ил. на стр. 94), которое находилось по другую сторону железной дороги в небольшом лесочке. Оно представляло из себя братские могилы, на мемориальных плитах которых были высечены имена не более 3000 воинов – как мне пояснили в администрации, в основном тех, кого в разное время разыскивали родственники. Прадеда среди них не было... По приезду в Новосибирск я передал всю найденную информацию и фотографии своему деду и его брату, которые впервые узнали о месте захоронения их отца.

После существенного перерыва, в 2009 г., я продолжил собирать информацию о ранней истории Чечулиных. Начали поступать первые сведения из метрических книг Устьянцево, хранящихся в Томске. Не обошлось и без мормонов – Генеалогического общества штата Юта, площадкой размещения данных которого теперь является портал FamilySearch [8]. Однако

в то время единственным способом найти нужную информацию было посещение одного из центров семейной истории. Странно об этом вспоминать, но в 2010–2011 гг. с метрическими книгами Устьянцево мне помогали из... Канады. Коллега в Монреале ходил в один из центров, куда заказал нужные ролики, и фотографировал их там с экрана проектора.

Чуть позже, в том же 2011 г., через коллег в Новосибирске я наконец нашёл метрическую запись о рождении Алексея Алексеевича! А также записи о смерти его матери и втором браке отца. Так что семейная легенда подтвердилась! Теперь же все сохранившиеся метрические книги обеих церквей села Устьянцево доступны онлайн: те что находятся на хранении в ГАНО – на портале мультимедийного архива Новосибирской обл. [9], а те что в ГАТО – на вышеупомянутом FamilySearch.

Наконец уже в 2022 г. удалось установить, откуда Чечулины пришли в Устьянцево и проследить их историю до рубежа XVII–XVIII вв.

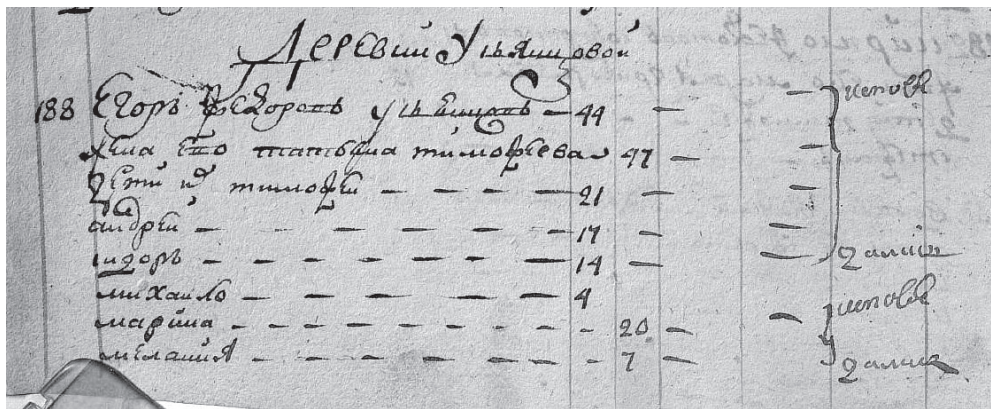
Хочу поблагодарить коллег, которые в разное время помогали мне в поисках и без которых я бы не продвинулся так глубоко в прошлое: Галину Дроздовскую и Елену Даниэльсон (г. Новосибирск), Михаила Темоша (г. Монреаль), Максима Редина (г. Москва), Владимира Волкова и Александру Ковалёву (г. Томск). Настоящая же статья посвящена нашим ближайшим предкам, проживавшим в Устьянцево, и прежде всего описанию их жизни в довоенный период.

Что мы знаем об Устьянцево?

Ещё лет 20 назад, собирая информацию о своих предках Чечулиных, я сделал и краткую подборку сведений о с. Устьянцево, которое в XIX в. относилось к Нижне-Каинской вол., Каинского у. [10], Томской губ. Источником для этого стали в первую очередь дореволюционные издания – различные словари, справочники, списки населённых мест и памятные книги [11]. Теперь же, составляя семейную летопись и готовя к публикации настоящую статью, я задался целью, описать раннюю историю Устьянцева, так как не нашёл подробных сведений на этот счёт.

Начав подбирать материал, даже не предполагал, что история нашего села окажется настолько занимательной. Примерно полгода я изучал документы из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Тобольска, Омска и Новосибирска, дореволюционные периодические издания, сборники законодательства, а также научные монографии по истории старообрядчества и единоверия – и по-настоящему погрузился в исследование истории Устьянцево, которая оказалась невероятно интересной и в своём роде уникальной. К настоящему моменту накоплен большой объём источников, на основе которых описана история села за дореволюционный период. Нет возможности изложить её в рамках данной статьи, к изданию готовится отдельная брошюра, а пока в печать сданы несколько статей, на которые я и буду давать ссылки по ходу повествования.

Принято считать, что населённый пункт возник в 1620 г. [12]. Однако внимательное изучение архивных источников показало, что произошло это гораздо позже. В сказках 3-й

Фрагмент исповедной ведомости за 1793 г. с упоминанием деревни «Устьянцево»

Напрестольный крест из Успенской церкви
села Устьянцево

ревизии по Колывано-Воскресенским заводам, острогам, сёлам, деревням Чауского острога и Каинскому форпосту за 1763–64 гг. из населённых пунктов, которые в последующем XIX в. относились к Нижне-Каинской вол., встречаются, например, д. Гугова, Маркова и Осинцева, из Верхне-Каинской – Киселёва, Козина, Малинина и Помельцева. Однако д. Устьянцево ещё нет [13].

Деревня «Устьянцево» впервые упоминается в архивных документах в исповедной ведомости Спасской церкви г. Каинска за 1793-й г. Тогда деревня состояла всего из трёх дворов, в которых со своими семьями проживали братья Устьянцевы (Усыянцовы): Никифор, Яков и Егор Фёдоровичи – 60 л., 51 г. и 44 г. соответственно. Устьянцевы переселились сюда из д. Марковой, которая располагалась ближе к городу Каинску, а в настоящее время относится к Куйбышевскому р-ну. В исповедной ведомости за предыдущий 1792 г. всех троих находим в этой деревне, а в 1793 г. в д. Марковой носителей такой фамилии уже нет [14].

В 1796 г. из той же д. Марковой в Устьянцево переселяется семья Михаила Фёдоровича Гугова. Приблизительно в 1795–1810 гг. в Устьянцево проживала семья Якова Афанасьевича Плотникова (позже они переехали в деревню Кирзинскую). Наконец, в первое десятилетие XIX в. здесь временно (менее 10 лет) жил Живетов Данило Иванович с семьёй [15]. Плотниковы и Живетовы – тоже прежние жители д. Марковой (по меньшей мере с 1780-х гг.), а Устьянцевы и Гуговы проживали в Марковой уже в 1760-х гг., а переселились туда из Чаусского и

Сосновского острогов соответственно [16].

В 1813 г. в Устьянцево появляются семьи Елисея Петровича и Григория Филипповича Митрохиных и братьев Афанасия и Дмитрия Семёновичей Убоговых [17]. Эти семьи пришли уже не из окрестных сёл, а предположительно являются переселенцами из Оренбургской и/или Пермской губерний.

В 1817 г. из д. Красноярской переселяется Гаврила Ларионович Кондаков с семьёй. На 1825 год в деревне Устьянцевой 10 дворов: Гуговы (1), Кондаковы (1), Митрохины (2), Убоговы (2) и Устьянцевы (4), в которых числится 106 жителей – поровну мужского и женского пола [18]. В 1835 г. в деревне уже 21 двор, появляются семьи Васильевых, Кетовых, Кузьминых, Сабаевых, Соколовых и Спириных [19].

История села Устьянцево неотделима от истории местной церкви. В начале XIX в. жители д. Устьянцево были старообрядцами. В середине 1810-х гг. на общественные деньги ими была сооружена старообрядческая часовня прямо во дворе Григория Филипповича Митрохина. Устьянцевцам пришлось пройти нелёгкий путь, доказав стойкость своих убеждений и веры. Долгое время в Российской Империи старообрядцы как противники официальной церкви подвергались жестоким репрессиям – ссылке, конфискации имущества и другим мерам вплоть до смертной казни. В конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. жителям Устьянцево (Устьянцевы, Митрохины, Убоговы) удалось избежать наказания по нескольким уголовным процессам, начатым по факту совершения таинств крещения и венчания не по православным канонам у старообрядческих священников г. Томска. В середине 1830-х гг. они испытали на себе все «прелести» работы бюрократической машины при получении разрешения на перестройку собственной часовни (к тому времени ей было уже «лет двадцать») в единоверческую церковь, которая в конце концов была одобрена не без помощи епархиального начальства в лице Томского епископа Агапита. К часовне пристроили алтарь и освятили в 1836 г. как церковь во имя святителя Николая, так село стало центром первого в Томской епархии единоверческого прихода [20].

Перестроенная из часовни церковь действовала ещё почти 15 лет, после чего в ней случился пожар, и она сгорела. Вместо неё была построена новая, довольно красивая однопрестольная деревянная церковь. Храм был готов в ноябре 1851 года и освящён 2 декабря во имя Успения Пресвятой Богородицы. В метрических книгах села Устьянцево записи о церкви сменяются с Никольской (Николаевской) на Успенскую уже с ноября 1851 г. [21].

Особенностью единоверческого прихода являлось то, что в самом Устьянцево проживали лишь около четверти всех прихожан, остальные же были рассредоточены по нескольким десяткам селений не только Каинского, но и соседних Барнаульского и Омского округов. Некоторые из них находились за 100 и более вёрст от приходского центра. Это вынуждало единоверцев брать в жёны православных невест из соседних деревень, что в конце концов привело к очередным разбирательствам.

Решением епархиального начальства от единоверцев потребовали обращать детей от таких смешанных браков в православие, что вызвало недовольство прихожан и послужило причиной саботажа в исполнении этих требований. В обоснование своей позиции единоверцы отмечали: «печально то, что каждый повенчавшийся на православной девице, дав обязательство о воспитании своих детей в православии, в большинстве случаев – по необходимости, не искренно, должен осознавать, что он и его семья не одно и то же». Дело по представлению благочинного [22] протоирея и Каинского полицейского управления рассматривалось в Томской духовной консистории.

Среди фигурантов дела помимо других жителей села упомянуты и наши предки Чечулины: Кузьма Гаврилович (дед Алексея Алексеевича), женившийся 14.01.1855 на православной невесте Анне Ильиничне Вдовиной из д. Новокондаковой [23], и его брат Адриан Гаврилович, взявший 15.01.1858 замуж православную девицу Марию Григорьевну Бубенкову из д. Казанцевой [24].

В ходе длительной переписки жителям Устьянцево удалось отстоять свои убеждения. Они дошли с прошением до самого Святейшего Синода и получили для себя особое разрешение на крещение своих детей в своей же церкви, в результате чего их семьи были воссоединены. При этом в российском законодательстве навсегда остался этот прецедент, как относящийся только к прихожанам Устьянцевской церкви, хотя о том же просили и единоверцы других церквей Томской епархии [25].

Успенская церковь со временем стала известна далеко за пределами Каинского у. – её приводили в пример как образец единоверческого прихода во всей Томской епархии. Так, в 1889 г. Томские епархиальные ведомости писали: «в настоящее время этот приход едва ли не первый из всех единоверческих приходов Томской епархии, заслуживающий наименования единоверческого, потому что прихожане оного не чуждаются ни священников, ни прихожан православных, признают ту и другую церковь единою соборною и апостольскою церковью» [26]. В обозрении церквей и приходов Томской епархии по результатам поездки епископа Томского и Барнаульского Макария в июле-августе 1897 г. Устьянцевская приведена в числе семи приходов, прихожане которых отличаются «особенным усердием к храму Божию и исполнению христианского долга». Свою устойчивость в единоверии жители Устьянцево ставили себе даже в заслугу, указывая, что их «храм процветает противу не только других единоверческих, но и православных церквей» [27].

Возвращаясь к истории самого села, отмечу, что удалось собрать подробные сведения о динамике населения Устьянцево, экономическом положении села, основных занятиях его жителей и др. Приведу здесь лишь несколько интересных фактов. Согласно подробному хозяйственному описанию деревень государственных крестьян и инородцев Томской губернии за 1840 г. в с. Устьянцево «домашние обзаведение и строения в хорошем состоянии, дома расположены без порядка, внутренне их помещение – обыкновенное крестьянское; ... скота у крестьян достаточно, лошадей держат от 3 до 20, а некоторые крестьяне имеют значительное их количество». Доходы крестьянина составляли в общей сложности до 70 рублей серебром. В селе в этот год было три ремесленника: 2 кузнеца и 1 кожевник. При этом среднегодовой доход кузнеца составлял до 50 руб., а кожевника – до 180 руб. Других промыслов, а также мельниц, не числилось [28].

В то время в Западной Сибири был большой спрос на воловьих кожи, которые выделывали на многочисленных кожевенных заводах. Так, в Каинском округе в 30-е гг. XIX в. работало два

Грязелечебница С. Беляева на берегу Горького озера

[29]. По сведениям 1891 г. кожевенные заводы в Устьянцево находились близ 2-го пресного озера, расположенного к северу от села.

А вот как в 1864 г. один из читателей Томских губернских ведомостей описывает село, которое в то время уже было известно своим целебным солёным озером: «Устьянцево довольно красиво разбросано по берегам большого озера. Мельницы и толчеи свидетельствуют о промышленной деятельности жителей, а чистенькие домики – об их зажиточности. Красивая и хорошо устроенная церковь может удовлетворить религиозным потребностям больных, а прекрасный свежий воздух – способствовать скорейшему их выздоровлению. За довольно умеренную плату больные могут иметь квартиру в хорошеньком домике со столом и правом ездить на хозяйской лошади к озеру, которое отстоит от д. в 370 сажень». [30] О Горьком озере близ Устьянцево, целительные воды которого неизменно помогали вылечиться от множества заболеваний, не раз писали дореволюционные исследователи. Лечиться сюда уже в середине XIX в. приезжали из самого Каинска. Позже, в середине 1910-х гг. на берегу солёного озера Семёном Ивановичем Беляевым будет открыта грязелечебница [31].

кожевенных завода, а в начале 40-х гг. также 15 ремесленников-кожевников из крестьян, которые занимались производством кож на продажу, в том числе и один в Устьянцево. Это был Максим Елисеевич Митрохин, который, будучи каинским купцом 3-й гильдии, уже в конце 40-х гг. XIX в. открыл в Устьянцево свой кожевенный завод, состоявший из 3 чанов. Тот доход, который он получал как ремесленник (существенно больший, чем у обычного крестьянина), позволил ему накопить необходимую сумму денег и открыть своё предприятие

Откуда пришли Чечулины?

Согласно сельскохозяйственной переписи 1916 г. наиболее распространёнными в Устьянцево были следующие старожильческие фамилии: Чечулины (18 домохозяйств), Устьянцевы (17), Митрохины (13) и Беляевы (10), у остальных – не более 7 дворов [32].

Видно, что перед революцией самыми многочисленными в селе по числу дворов были Чечулины, причём записаны они как старожилы. Но откуда же они пришли в Устьянцево? Как показано выше, в первые годы существования деревни и даже в 1835 г. их ещё не было. Долго я бился над разрешением этого вопроса... Первой логичной версией было то, что они выселились из одного из соседних населённых пунктов волости или уезда. Однако просмотр исповедных ведомостей за 1825 г. по всему Каинскому округу не выявил этой фамилии... Смотрели даже по Чаусскому округу, где нашли Чечулиных в д. Криводановой, но они оказались не родственниками Устьянцевским. Ситуация осложнялась и тем, что ревизские сказки за XIX в. по данной территории не сохранились, поэтому задача на первый взгляд выглядела неразрешимой...

Найти разгадку помог случай.

Сначала в метрических книгах Николаевской церкви села Устьянцево 1840-х гг. были обнаружены упоминания о Чечулиных из д. Новокрасулиной, Казанской вол. (в исповедных ведомостях за 1825 г. этой деревни ещё нет) [33]. Кроме того, уже с 1841 г. (первый год, за который сохранились метрические книги церкви села Устьянцево) Чечулины из д. Кошкульской, Юдинской вол., Омского округа, Тобольской губернии (!), крестили в Устьянцево младенцев, а также выступали восприемниками [34] у единоверцев других селений прихода, в том числе и у жителей Устьянцево, а в 1945 г. – и у Чечулиных из д. Новокрасулиной (что навело меня на мысли об их родстве).

Опуская здесь подробности поиска, отмечу, что эти находки позволили мне найти нужную ниточку и установить факт выселения Чечулиных из д. Кошкульской сначала в январе 1825 г. в деревню Новокрасулину, а затем в июне 1845 г. и в село Устьянцево [35]. Деревня Кошкуль

(Кошкульская) – это, между прочим, другая губерния. Согласно клировым ведомостям она входила в приход Устьянцевской единоверческой церкви и находилась на расстоянии 120 вёрст (!) от центра прихода [36], неудивительно, что Чечулины в конце концов перебрались поближе к церкви. Помимо Чечулиных из Кошкульской в Каинский уезд похоже переселились только Болдыревы (они переехали в Казанскую вол. в 1825 г., возможно даже вместе с Чечулиными).

Ещё один интересный факт. В первое время (во второй половине 1845 г.) дети Гаврилы Степановича Чечулина (это прадед Алексея Алексеевича) – сын Игнатий и дочь Федора – упомянуты как жители д. Чечулиной, Нижне-Каинской вол. [37]. В метрических книгах за последующие 1846–49 гг. Степан Никифорович Чечулин, его дети Кузьма, Фёдор и Гаврила, а также внук Игнатий Гаврилович также упоминаются как жители д. Чечулиной, но в некоторых случаях записаны как жители с. Устьянцево [38]. Что это за деревня Чечулина, выяснить пока не удалось... В списках населённых мест по состоянию на 1859 г., а также в более поздних такого населённого пункта не числится (хотя в метрических книгах она упоминается по меньшей мере до 1860 г. включительно). В начале 1850-х гг. в этой же деревне проживали и другие семьи из Устьянцево, в частности Кетовы и Митрохины, что зафиксировано всё в тех же в метрических книгах. Можно предположить, что д. Чечулина постепенно слилась с с. Устьянцево. Быть может, это его часть, расположенная за озером, где в настоящее время находится улица Заозёрная, а перед войной был колхоз им. Чкалова.

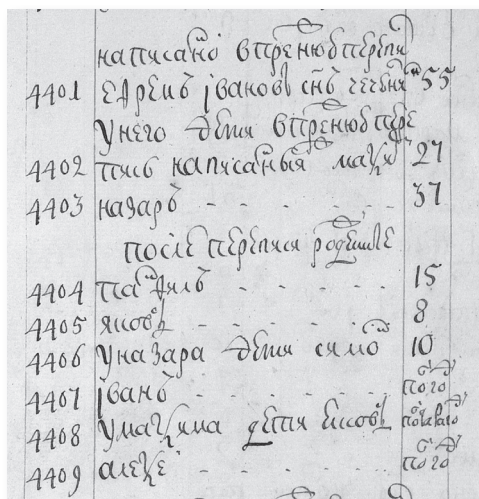
Д. Кошкуль (Кошкульская) [39] располагалась на берегу одноимённого озера и в начале XIX в. входила в Юдинскую (в 1812 г. и ранее в Усть-Заостровскую) вол., Омского округа, Тобольской губ., которая в 1887 г. отошла к Каинскому у., Томской губ. Достоверно известно, что уже в начале XVIII в. Чечулины были староверами. Сохранился рапорт присутствующего протоиерея Омского духовного правления И. Владимирова от 1816 г. [40]. По секретному сообщению, поступившему из Омского земского суда, он вместе с земскими исправниками участвовал в производстве по делу старообрядцев Юдинской вол., среди которых упомянуты братья Степан (Стефан) и Фёдор Чечулины – это отец и дядя упомянутого выше Гаврилы Степановича Чечулина.

Степан в расспросе показал, что стал старообрядцем «поповского» согласия примерно пять лет назад. Он сообщил, что в урмане [41] в соседней Каинской округе есть старообрядческий скит [42], где живёт наставник и учитель Иван Григорьев, но знает он это «только по слуху между народом носящемуся, но сам там не бывал и его не видал». Сестра же его, 27-летняя Авдотья, за три недели до масленицы отвезена братом Фёдором доучиваться грамоте к другому старообрядцу поповского согласия. Заканчивается дело такими словами: «ныне ж, вознав своё заблуждение, он обращается со всем своим семейством к православной церкви и будет исполнять все христианские правила».

Примерно в это же время в Устьянцево была сооружена старообрядческая часовня. Знал ли Стефан Никифорович об этом?.. Возможно, и знал, так как наверняка поддерживал связи со старообрядцами Каинского округа. А быть может, он узнал об Устьянцево, уже когда там

Карта Ишимского округа Тобольской губернии за 1865 г. с обозначением деревень Болдырева и Чечулина

Фрагмент переписной книги за 1747 г. с упоминанием семьи Чечулиных в деревне Болдыревой

образовался единоверческий приход... Так или иначе, но, по-видимому, опасения попасть под репрессии послужили причиной для их семьи присоединиться к прихожанам Устьянцевской церкви, а затем, почти через 30 лет после описываемого случая, перебраться на жительство поближе к ней. Брат Фёдор умер в 1823 г., ещё два брата Степана – Николай и Иван – со своими семьями выселились в 1825 г. в деревню Новокрасулину. Что оставалось Степану?... Конечно, перебраться поближе к родне, что он и сделал в 1845 г.

Но и в Кошкуне Чечулины не были коренными! Они пришли туда из Черемшанской вол., Ишимского округа, в 1806 г., а приписаны были в 1807 г. В Черемшанской (в 1795 г. Костылевской) вол. отец Степана Никифор Симонович Чечулин со своей семьёй проживали в деревне Большой Болдыревой (в первой половине XVIII в. просто деревня Болдырева) на речке Китерня [43]. Что интересно, на

другом берегу речки, у одного из её притоков тоже располагалась д. Чечулина [44], где проживали ещё 5 (!) семей Чечулиных. Удалось установить, что в д. Болдыревой Чечулины жили по меньшей мере с начала XVIII в., а в соседней д. Чечулиной – их родня, обосновавшаяся там во второй половине XVIII века. Самый старший из обнаруженных представителей фамилии Ефрем Иванович Чечулин (Чечюнин) родился приблизительно в 1691/92 г., в переписной книге Ишимского дистрикта Тобольской провинции Сибирской губ. за 1747 г. он записан в возрасте 55 лет. Есть отметка о присутствии этой семьи в предыдущей переписи, так что они проживали здесь как минимум с 1719 г. [45].

А теперь от самых ранних предков перенесёмся почти на два века позднее, в конец XIX – начало XX в.

Жизнеописание Чечулина Алексея Алексеевича

Алексей Алексеевич родился 12 марта 1893 г. в с. Устьянцево, крещён 15 марта. Крёстным стал его дядя Василий, а крёстной – незамужняя крестьянка Авдотья Ивановна Жукова из д. Торгашино, Казанской волости. Родители – крестьяне того же села Алексей Кузьмич Чечулин и законная его жена Анна Васильевна, оба единоверцы [46]. Когда Алексею было всего 2,5 г., 5 сентября 1895 г., в возрасте 30 лет от горячки умирает его мать Анна [47]. Через несколько месяцев, 14 января 1896 г., его отец женится во второй раз на Федосье Константиновне Соловьевой, православной крестьянке из д. Марковой, возрастом 21 г. Свидетелями при венчании были Спирины, а также двоюродные братья Алексея Кузьмича Венедикт и Леонтий Адриановичи Чечулины [48]. Уже 31 октября у них рождается первый совместный ребёнок.

Согласно подворным карточкам Всероссийской сельскохозяйственной переписи за 1916 г. семья отца Алексея Кузьмича Чечулина состояла из 12 человек – 6 мужчин и 6 женщин, из них работников – 4 мужчины и 3 женщины, остальные – дети. В хозяйстве имелось 15 лошадей (из них 8 рабочего возраста, 4 от одного до четырёх лет и 3 жеребёнка до года), 10 коров (6 взрослых, 1 нетель или бычок и 3 телёнка до года), мелкого скота – 10 овец, 7 баранов, 1 свинья и 2 поросёнка. Собственной земли имелось 18,2 десятины, из них 10,2 – под посевами: пшеница – 8 десятин, овёс – 1,5, рожь – 0,5 и горох – 0,2.

Через год находим упоминание о семье Чечулиных в списках избирателей, имеющих право участвовать в выборах в Учредительное собрание. Такие списки составлялись по всей стране, в том числе по селениям Каинского у., в них вписывались все жители начиная с 20 лет. Село Устьян-

цево входило в 1-й участок (центр в с. Овечкино) Нижне-Каинской вол. В списке избирателей села, составленном 8 декабря 1917 г., записаны Алексей Кузьмич (52 г.), его жена Федосья Константиновна (42 г.) и сын Филимон (20 л.). Его отец Кузьма Гаврилович (90 л.) с сыном Василием (42 г., дядя и крёстный Алексея Алексеевича) записаны в другом дворе [49]. Остальные члены семьи не упомянуты по возрасту. В списке нет Алексея Алексеевича, хотя ему на тот момент было 24 г. – вероятно, тогда он ещё находился в плену (см ниже).

На основании метрических книг церкви села Устьянцева, в целом удалось восстановить многочисленный состав семьи Чечулиных. У Алексея Кузьмича от первой жены Анны Васильевны родилось двое сыновей: Никифор (1891) и Алексей (1893), а от второй, Федосьи Константиновны, по меньшей мере десять детей: Михаил (1896), Филимон (1897), Фекла (1899 [50]), Екатерина (1902), Дмитрий (1904), Василий (1907), Николай (1910), Анна (1912), Прасковья (1914), Иоанн (1917). Возможно, были ещё дети, но за более поздние годы метрические книги не сохранились. В январе 1910 г. старший сын Никифор женился, а Алексей Алексеевич, будучи на тот момент в возрасте 16 л. (через два месяца ему исполнится 17), выступил свидетелем на его венчании, а затем, в ноябре того же года, – крёстным при рождении его первенца Александра. У Никифора родились дети: Александр (1910), Антонина (1912), Мария (1914 [51]) – от первой жены и Алексей (1916) – от второй. Никифор выделился отдельным хозяйством в 1916 г., в его семье на тот момент числилось 5 человек – 3 мужчины и 2 женщины. В хозяйстве 7 лошадей, 10 голов крупного рогатого скота и 18 мелкого, 7,1 десятины земли. Никифор Алексеевич умер в 1918 г.

Истории из жизни Алексея Алексеевича и его жены Анны Даниловны, приводимые далее, записаны в Новосибирске в течение 2000–2002 гг. со слов его сыновей Фёдора и Александра Чечулиных, а также его племянницы Марии Васильевны Гусельниковой (в девичестве Андреевой).

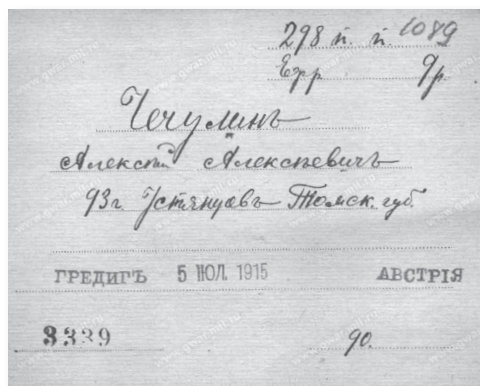
Вот как рассказывал об Алексее Алексеевиче его сын, мой дедушка. Родился в бедной многодетной крестьянской семье. Его жена Анна, которая после женитьбы переехала в Устьянцево из д. Бадажки (то есть была не местной), рассказывала впоследствии, что она так и не смогла запомнить всех братьев и сестёр мужа: первое время после женитьбы они жили у приёмной матери [52] Алексея Алексеевича, и там был буквально «проходной двор»: в гости постоянно заходили его братья и сёстры, которые к тому времени уже жили отдельно. Когда Алексей Алексеевич с Анной Даниловной уже жили своим двором (в центральной части села), Федосья Константиновна иногда приходила к ним в гости, попить чаю. Жила она за озером, где находился колхоз им. Чкалова, а теперь улица Заозёрная.

По воспоминаниям сына Фёдора, Алексей Алексеевич был в плену в Австрии. Действительно, из документов, размещённых на портале «Памяти героев Великой войны», узнаём, что он служил ефрейтором 9-й роты 298-го пехотного Мстиславского полка и в возрасте 22 л. (тогда он ещё был холост). 21 апреля 1915 г. пропал без вести в сражении на р. Дунайце [53]. По состоянию на 5 июля 1915 г. находился в плену в лагере Грёдиг, Австрия (см. ил. на с. 86) [54].

Среднего роста, черноволосый, сухощавый, общительный и очень подвижный. В деревне говорили, что Алексей не ходит, а бегаёт. Носил усы. Грамотный. Не пил, не курил, не сквернословил. В еде был непритворлив, особенно любил свиное сало, которое сам и солил.

Алексей Алексеевич Чечулин.
Барабинск, пригл. 1934 г.

Карточка А.А. Чечулина из картотеки военнопленных, 1915 г.

Трудолюбив, постоянно был занят чем-нибудь по хозяйству, никогда не сидел без дела, всегда находил себе какую-нибудь работу, а в крестьянском хозяйстве она была всегда. По характеру был доброжелательным человеком, к людям в деревне относился хорошо, поэтому они его уважали. Это уважение, быть может, и спасло его от ссылки за религиозные убеждения (об этом ниже).

Внимательно следил за учёбой детей, часотенько по вечерам проверял их школьные тетради и качество выполнения домашнего задания. Когда проверял тетради или что-нибудь писал, имел привычку вытирать перо ручки от чернил о свои черные волосы.

К детям относился с большой любовью, всегда их защищал, когда мать (Анна Даниловна) пыталась кого-то из них наказать. Когда сын Фёдор учился в Куйбышеве, Алексей Алексеевич мог ночью верхом на лошади проехать 30 километров, чтобы передать ему булку хлеба и кое-какую домашнюю стряпню, а потом вернуться в деревню, чтобы днём снова идти работать. Из воспоминаний сына Фёдора: «При встрече он всегда интересовался, как я живу один в городе, как идёт учёба, рассказывал деревенские новости. Давал немного денег и уезжал обратно в деревню».

Из воспоминаний Марии Васильевны: «В Устьянцево, сразу за огородами было озеро. Летами оно зацветало, и рыба задышалась, караси всплывали, и мы, ребята, ловили их чуть ли не руками. Я – старой корзиной. Удалось мне добыть несколько рыбок и, конечно, знала, что ужин семье обеспечила: сварим уху. За столом было 6-7 человек. Уха была, понятно, жидкой (рыбы-то кот заплакал), и тётя Нюра [55] не хотела её варить, но дядя Алёша посоветовал: «Как же, Манечка – так он меня называл – трудилась, и улов никак не должен пропасть». Сварили. Как делить эту самую рыбу? И опять дядя Алёша говорит: «Самый большой карась – рыбаку за труды». Что и было сделано. Прошло с тех давних пор не менее шестидесяти лет, а помнится – это не забывается. И сам дядя Алёша, и его ласковый голос, и улыбающееся лицо, и тот момент (мне думается, весьма значительный для воспитания добрых чувств), когда была оценена твоя работа, тебя похвалили, обратили на тебя внимание и ещё что-то очень приятное».

Из воспоминаний сына Александра. «О любви и заботе о детях свидетельствует и такой факт. Когда летом я жил вместе с отцом на Бродах, он часто в дневное время отправлял меня домой за продуктами одного на лошади, запряжённой в телегу. Я в тот же день возвращался назад. Проехать до избышки можно было двумя дорогами. Одна из них шла по болотистому месту, и по ней ездили в сухое время; она была короче. Я почему-то поехал именно по этой дороге, но она ещё была залита водой. На середине болотины [56] лошадь и телега увязли, и я напрасно понукал лошадь, пытаюсь заставить её сдвинуться с места. Мне было всего лет 9-10, и больше я ничего сделать не мог, так и опасался слезать с телеги, боясь утонуть сам, чего на самом-то деле случиться не могло, так как воды там было мало. Не успел я разревевшись от испуга и злости, как услышал крик отца: «Не погоняй!», а потом увидел и самого его в седле на лошади. Он видимо предполагал, что я поеду этой дорогой, где лошадь может увязнуть в грязи, и, не дожидаясь «хлебовоза», выехал мне навстречу. Увидев отца, я воспрянул духом. Он распряг лошадь, вывел её на сухое место, вытащил из грязи телегу, опять запряг лошадь, и мы двинулись к избышке. Не знаю, что бы я делал, если отец не подъехал бы вовремя. Подобные детали взаимоотношений с отцом оставили глубокое, на всю жизнь, теплое воспоминание о нём как о заботливом и внимательном человеке, активном, хлопотливом хозяине в доме, трудолюбивом крестьянине и уважаемом деревенском жителе».

Одевался Алексей Алексеевич очень просто: в осеннее и весеннее время – азиям [57], на ноги – сапоги, а зимой – дубленка (шуба), пимы [58] и ватные стеганые штаны. Когда зимой ездил за сеном, поверх азиям надевал тулуп, а на руки – лохмашки [59]. Во время сенокоса

носил чуни [60], в них было удобно, и ноги не промокали. В деревне про таких крестьян говорили: «У него кроме дубленки никакой порядочной одежды нет!». Был, правда, у него пиджак, но надевал он его очень редко, когда ходил в гости. Одежду, например, шубу или тулуп из выделанной кожи, шил приходящий портной.

Алексей Алексеевич закончил 4 класса сельской школы. До революции (а скорее, после неё) служил псаломщиком в местной церкви, пел псалмы при богослужении [61]. Позже про его детей в деревне так и говорили «псаломщика дети». Дома у Алексея Алексеевича было много церковных книг, и дети часто рассматривали в них картинки. Книги были в хорошем переплёте, разных размеров – большие и маленькие.

В конце 1930-х гг. купола церкви с колоколами снесли и переделали ее под школу [62]. Внутреннее убранство – церковные книги, иконы, подсвечники и другое имущество церкви разворовали. Жена Алексея Алексеевича (вероятно уже раньше) сожгла все имевшиеся у них дома церковные книги, чтобы не возникло никаких подозрений о принадлежности семьи к духовному сословию, которое преследовалось властями. После этого в жизни семьи что-то надломилось, была безвозвратно утеряна какая-то незримая опора, вместо которой наступил страх... Семья стала замкнутой и жила под постоянным страхом ссылки...

Примерно в 1933 г. Алексей Алексеевич вместе со всей семьёй вступил в колхоз. В колхозе работал конюхом, скотником. Одно время ему предлагали должность управляющего фермой, но жена Нюра была категорически против, боясь недовольства жителей деревни и репрессий из-за религиозных убеждений мужа. Как это псаломщик – и вдруг управляющий фермой. Если бы кто-нибудь донёс о его церковном прошлом, всю семью могли сослать.

В летнее время Алексей Алексеевич пас скот в 15 км от деревни. Там он жил все лето, а домой приезжал только по субботам помыться в бане, да узнать деревенские новости. Своей бани не было, мылись в бане родственников – у Марии Кетовой, сестры Анны Даниловны, которая жила рядом с домом Чечулиных.

Из воспоминаний сына Александра. «Телят, жеребят, а также часть колхозных овец на лето отгоняли за 15 км от деревни, и два человека – отец и ещё кто-то – всё лето жили в избушке на Бродах, как называли это место. Спали на деревянных нарах: на сене, покрытом потниками [63], а укрывались шубами. Питались привезёнными из дома продуктами – молоком, творогом, яйцами, овощами, а на обед отец готовил горячую пищу и чай. Вокруг избушки рос густой берёзовый и осиновый лес, в котором было много грибов, но их почему-то в пищу не употребляли. Тятя (так мы называли отца) однажды сварил суп из грибов, но его никто, кроме него, есть не стал, и этот суп отдали собаке. Я часто жил с отцом на Бродах, а другие дети там почему-то бывали редко. Я любил подолгу – полдня, день – пасти скот, пользуясь осёдланной лошастью. В июне, когда наступала жара и появлялось большое количество паутов и строк [64], стадо молодых лошадей от боли срывалось, и они бешеным галопом неслись в лес, в тень или в камыш. Однажды они перебежали небольшое болотце и остановились на сухом месте, которое со всех сторон было сплошь закрыто камышом. На этом островке всё было усеяно гнездами чаек и уток разных пород, в которых лежали яйца; большая их часть были ещё свежие. Мы собрали тогда очень много яиц и долго их варили и ели. Об экологии, защите природы тогда мы не имели представления, в нас преобладал инстинкт охотника, дикого добытчика».

Когда зимой Алексей Алексеевич работал конюхом, приходилось много вывозить навоза, привозить сено для корма животным. От тяжелого физического труда часто болела спина. Лечился он от этой болезни так: ложился на пол на живот поперёк матки [65] в потолок, а старший сын Фёдор (или младший Александр) вставал ему на спину и топтал её. После нескольких таких «процедур» боль проходила. Так в те времена в деревне лечили радикулит – своего рода массаж спины. После такого массажа Алексей Алексеевич снова шёл работать на скотный двор.

По хозяйству Алексей Алексеевич предпочитал все делать сам. Черенок от лопаты или топориче сломается – он сам делает. Не все выходило хорошо, но зато ничего не нужно было покупать, тем более денег практически никогда не было. Когда, например, сам выделывал кожу или овечью шкуру, сапоги из этой кожи получались, по словам сына Александра, как железные, а дублёнка (шуба) иногда стояла коробом. Зато ногам было тепло, а тело зимой не мёрзло, и члены семьи не простывали.

Имея несколько десятин земли, сам её и обрабатывал. Убирал урожай и молотил зерно, занимая технику у знакомых. Сено для скота косил вручную. Кроме того, полностью обрабатывал большой огород, привлекая для этой работы и членов семьи, по мере подрастания и сил. Огород являлся главным кормильцем всей семьи, так как за работу в колхозе ничего не получали, одни трудодни [66], которые почти ничем не отоваривались.

Каждому колхознику выдавали трудовую книжку для учёта выполняемой работы, которая учитывалась в трудоднях, а не в рублях. Один рабочий день взрослого мужчины оценивался как один трудодень, на некоторых работах записывали 1,5-2 трудодня (например, вспашка зяби [67], мётка сена в стога, уход за скотом, дойка коров и др.). Алексей Алексеевич, работая скотником, получал больше одного трудодня за день, его жена Анна как доярка – тоже [68]. Дети, как только подрастут, тоже начинали работать в колхозе и зарабатывать трудодни: на сенокосе копны возили, на молотье лошадей гоняли и т.д. После уборки большую часть урожая сдавали государству, а остальное распределяли между работниками: подсчитывали общее количество трудодней и после несложных расчётов определяли, сколько граммов зерна приходится на один трудодень. Хлеба получали на трудодни мало, примерно по 100–300 граммов на трудодень. По килограмму на трудодень никогда в колхозе села Устьянцево не давали, а денег колхозникам вообще не платили. Как хочешь, так и живи... Но чтобы не умереть с голоду и не уморить семью, крестьяне, чаще всего ночью, обрабатывали собственный огород, выращивая картошку, капусту, морковь, лук, огурцы и другие овощи. Из пшеницы же, которую получали в колхозе, делали муку или крупу. Крупу крутили на жерновах вручную, а муку – на мельнице. Отвозишь пару мешков мельнику – тот мелет. Мельница в селе была ветряная. Дети частенько цеплялись за её крылья, если при слабом ветре они не сильно крутились, поднимались немного вверх, а затем спрыгивали вниз.

Один раз зимой в составе колхозной бригады Алексей Алексеевич ездил в тайгу (урман [69]) на север Новосибирской обл. для заготовки леса в пойме реки Оми. Бригаду собирали всей деревней: отбирали лучших лошадей, ремонтировали сани, делали пельмени, заготавливали другие продукты на всю зиму. Бригаде дали задание заготовить определённое количество кубометров леса. Они стаскивали брёвна к реке и на льду формировали плоты. Весной, когда лёд растаял, плоты оказались на плаву. На них работники сплавились вниз по реке, а так как Омь протекает недалеко от Устьянцево, в этом месте они и высадились. Брёвна привезли в деревню для дальнейшей обработки.

Хозяйство Чечулиных

Семья жила в старом деревянном доме. Этот дом отдали молодожёнам родители Алексея Алексеевича, когда он женился, а раньше в нём жили какие-то их родственники.

В доме была изба, горница, сенки [70] и кладовка, а крыша была покрыта пластами дерна. Под полом в избе было вырыто большое подполье для хранения картошки, разных солений и молочных продуктов для текущего потребления, так как никаких холодильников в те времена не было. Около входной двери в сени было невысокое крыльцо из плах [71]. При входе в сени, справа, стоял большой ларь, в котором хранили зерно. Прямо от входа находилась дверь в кладовку, где стоял сусек [72] для муки и где в зимнее время хранили замороженное в больших железных чашках молоко, которое таким образом не портилось и использовалось по мере необходимости. Там же хранился скатанный в шарики творог, который в мороженом виде являлся лакомством для детей – своего рода деревенское мороженое. Слева из сеней была дверь в избу.

В избе над входом примерно в метре от потолка находились полати [73], а на стенке печи были сделаны углубления, чтобы на полати было удобнее забираться. Слева от входа висела вешалка для одежды, а под полатами – полка для шапок. На полу же долгое время располагался курятник, где зимой держали кур, пока Алексей Алексеевич не построил для них тёплый хлев. Сын Александр рассказывал, что поскольку полка для шапок была высоко, шапку на неё он просто забрасывал, и иногда она падала на курятник. Куры затягивали её туда, а когда садились на седло [74], то оправлялись на шапку. В таких случаях он просто вытирал её утром половой тряпкой или, если подсохла, отряхивал ударом об колено. Прямо от входа, у окон, стоял

обеденный стол, где вся семья принимала пищу, сидя на лавке вдоль стены, на скамейке или табуретках. За этим столом при свете керосиновой пятилинейной [75] лампы дети все вместе готовили школьные уроки.

В правой части избы, между печью и окном, была куть [76], где располагался небольшой шкаф для посуды, на лавке стояли горшки, а под лавкой – чугуны и другие кухонные принадлежности. Здесь же под потолком висела полка, на которой хранились выпеченные калачи и булки. Центральное место в избе занимала русская печь с лежанкой. Рядом с русской печью впоследствии сложили плиту, на которой Анна Даниловна готовила еду. Эта же плита и обогревала дом, так как русскую печь после этого стали топить редко, раз в неделю.

В левой части избы находилась дверь в горницу, где стоял шкаф с праздничной посудой, кровать с огромной периной, на которой практически никто не спал. Около окон стоял стол, а над ним висело зеркало, здесь же было несколько плетёных стульев, покрытых чёрной краской, которые выставляли только для гостей. Также в горнице стояла печь-голландка [77], которую практически не топили, так как на зиму горницу наглухо заколачивали, чтобы не тратить лишних дров, и вся семья уютилась в избе. Пол в избе, горнице и сенках был покрашен половой краской. В избе и горнице висели иконы. В доме было много окон, на подоконниках всегда стояли разные цветы, которые в летнее время красиво цвели. Цветы использовали как лекарство.

Спали Чечулины летом на полу все вместе, постелив на него потник, скатанный из шерсти, а зимой – на полотах и русской печи. На печи спали родители, на полотах – дети: стелили матрасы или кошку [78] и накрывались тулупом или шубой; так троём или вчетвером под одним тулупом и спали. Зимой за ночь тепло из дома выдувало, и температура сильно понижалась. На русской печи же тепло сохранялось, на полотах к утру тоже было более-менее тепло, а как слезаешь вниз – холодно, поэтому сначала в доме была ещё одна печка, жестяная, небольших размеров. Алексей Алексеевич вставал утром пораньше, затапливал её, она нагревала избу, а потом уже затапливали русскую печь.

Уже после войны Михаил Васильевич Митрохин (второй муж Анны Даниловны) полностью разобрал дом и сделал из него дом поменьше, всего с одной комнатой, так как половина брёвен к тому времени совсем сгнили.

Из хозяйственных построек при доме имелись амбар, завозня [79], сарай, скотный двор. В амбаре в сухеках хранилось зерно, он был немного приподнят от земли, чтобы в нём было сухо. В завозне хранили хозяйственный инвентарь, на зиму туда загоняли телегу, там же находился погреб для хранения овощей, картофеля, кваса, молока, масла и других продуктов. Зимой в погреб закладывали куски льда и закрывали их соломой, чтобы лёд дольше сохранялся, поэтому всё лето в погребе была достаточная температура для хранения скоропортящихся продуктов. Здесь же в завозне стояли сани с будкой в одно маленькое окно. Алексей Алексеевич сколотил эту будку из обрезков досок на случай ссылки зимой – чтобы в будке на одной лошади можно было ехать, куда сошлют. Сын Фёдор вспоминал: «По прошествии многих лет сердце замирает от одного этого воспоминания». Одна стена в завозне была литая – из глины, смешанной с соломой или мякиной [80], она досталась «по наследству» от старого хозяина; двери были двухстворчатые.

В сарае хранили кизяки [81], дрова, он был трёхстенный. В скотном дворе содержали лошадь, корову, иногда заводили овец, свиней. Двор строил сам Алексей Алексеевич. Стены двора были плетёные, крыша – из жердей, покрыта соломой. Плетень [82] двора в отдельных местах с ветреной стороны обмазывался глиной, смешанной с коровяком [83] и мякиной, с добавлением для связи соломы: так он не продувался и становился теплее. Для кур внутри двора был сделан утеплённый хлев. Когда корова телилась, телёнок первые дни жил в избе, потом – в хлеву. Во дворе жила собака по кличке Жучка, а в доме – чёрная кошка.

В 1937 г. все постройки, кроме дома, сгорели. Дом сумели отстоять всем миром деревни. Пожар возник из-за того, что сын Михаил вместо того, чтобы отнести горячую золу из русской печи к озеру, залез на крышу двора и высыпал её на соседний участок, где не было построек. Горячие угли попали и на соломенную крышу, в результате чего начался пожар.

Огород у Чечулиных занимал площадь примерно с полгектара. Он был длинный и упирался в край озера. На огороде выращивали картофель, капусту, морковь, лук и другие овощи. Много было подсолнечников, семечки которых сушили на солнце, а зимой жарили на плите в сковородке

или на железных листах в русской печи и щёлкали, чаще всего по праздничным дням, всей семьёй. В таком большом огороде не было посажено ни одного куста малины, крыжовника, смородины, только самое необходимое, поскольку у крестьянина не было времени ухаживать за ягодными кустами. Это особенность многих сибирских деревень того времени. Смородину, костянику, клубнику дети и взрослые собирали в лесу, клюкву – на болоте. Детей же в каждой деревенской семье было много. Одной клюквы с болота, которое находилось неподалёку от Устьянцево, за раз приносили целое ведро. Однако варенья много не варили, так как сахара особо не было: ягоды сушили на солнце или в русской печи, а зимой заливали подслащённой тёплой водой и в таком виде ели как лакомство. Отдельно в околке [84] или в лесу летом сеяли лён [85], из которого после определённой обработки ткали холст. Вспахнут делянку [86] и посеют немного льна. Работа по производству волокна была трудоёмкой, поэтому льна много не высаживали.

В семье делали вкусные пельмени и ели их, запивая холодным молоком. Для пельменей Алексей Алексеевич рубил топором мясо в небольшом корытце, которое сам сделал из бревна. Эта работа была длительная, утомительная и ответственная: нужно было хорошо изрубить мясо и не расколоть корытце, поэтому детям её не доверяли. Мясорубки тогда в семье не было, вот и приходилось рубить мясо вручную. Иногда в какой-нибудь пельмень клали копейку на счастье. Когда Алексей Алексеевич ездил на базар в Каинск или Барабинск продавать плоды крестьянского труда (овечью шерсть, битую птицу, картофель или ещё что-то), иногда привозил оттуда домой пшённую крупу и другие небольшие лакомства. В эти дни в семье был праздник. Если привозил пряники и конфеты, то дети их не ели, а лизали и сосали, продлевая этим удовольствие.

В хозяйстве держали лошадь, корову, свинью с поросятами, штук восемь-десять овец, кур, иногда заводили гусей. За скотиной Алексей Алексеевич ухаживал с любовью, во дворе поддерживал порядок. Заготовленного за лето сена скоту всегда хватало на долгую и суровую сибирскую зиму. Для овец старался накопить лучшую траву: по околкам, вперемешку с клевером. Навоз со двора вывозил и складывал в отдельную кучу (из него делали кизяки – см. далее), а часть использовал в огороде как удобрение и делал из него большие грядки для выращивания огурцов, дынь. Поскольку навоз прел, температура была достаточно высокая, чтобы дыни могли вызреть. Они были очень душистые и намного вкуснее тех, что можно купить сейчас.

Корову звали Пеструха. Однажды Фёдор с Александром отвозили на ней картошку, морковь и другие продукты в Куйбышев, где Александр учился в педагогическом училище. (Чтобы не тратить деньги, с хозяином квартиры, где жил Александр, расплачивались картошкой и другими продуктами.) Обратную корову с телегой пригнал Фёдор.

Корова в крестьянском хозяйстве играла особо важную роль. Во-первых, она давала молоко – основной источник питания детей. Во-вторых, после отёла выращивали нетелей и бычков, которые шли на мясо, без которого в условиях суровых сибирских зим трудно было выполнять тяжёлые физические работы, а они практически все были таковыми. В-третьих, во время Отечественной войны, когда лошадей забрали для нужд армии, корова использовалась и как тяговая сила на вспашке, бороновании и для перевозки различных грузов.

Для отопления дома долгими сибирскими зимами использовали кизяки. Делали их так. Перепревший навоз раскладывали в большой круг, и по нему водили лошадь, чтобы она этот навоз месила. Иногда дети ездили верхом по этому месиву. Навоз периодически поливали водой для лучшего перемешивания. Когда навоз хорошо перемешается, из него начинали делать кизяки. Для этого изготавливали специальные деревянные формы типа ящика с ручкой, но без дна. В эту форму закладывали перемешанный навоз и утаптывали ногами – получался кизяк, по виду напоминающий кирпич. Эта работа была самая грязная и тяжёлая. Готовые кизяки сначала раскладывали рядками на траву, а когда немного подсохнут и перестанут разламываться, складывали в виде конуса (чтобы дождевая вода не проникала внутрь) для окончательного просушивания. За лето на ветру они высыхали и становились лёгкими. Кизяк хорошо горел и являлся подспорьем для выживания в суровую сибирскую зиму. На зиму заготавливали и дрова, но их всегда не хватало, а угля тогда и в помине не было, поэтому широко использовали в топливо кизяк, а также камыш, который в начале зимы косили на озёрах.

Одежду для членов семьи заказывали у портных, которые в то время ходили по деревням. В Устьянцево портной приходил примерно раз в год. Пока шил кому-нибудь одежду, он жил и ел

в этой семье, а шить он мог одну-две недели – в зависимости от заказа, после чего переходил к другим. Некоторые договаривались, что он к ним и в следующем году придет, а некоторые раз за пять лет его услугами воспользуются и ходят все это время в одной и той же одежде. Шкуры для портного выделывали сами. Овец в деревне держали почти все, вот и научились более-менее хорошо выделывать их шкуры. Делали это так. Сначала намазывали шкуру гуцей из кваса, потом пересыпали её солью – всё это сильно воняло, так что во всей избе нечем было дышать. Затем с тальника [87] сдирали кору, сушили её, запаривали и клали туда шкуру, в результате чего она становилась красно-коричневой. На зиму для всех членов семьи катали валенки из шерсти, настриженной с имеющихся овец. Валенки катали в деревне специально – пимокат. Ещё по деревне ездили, как их тогда называли, жестянщики. Они паяли прохудившиеся ведра, тазы, умывальники и другую домашнюю утварь. Если же дно у ведра совсем было плохое, его меняли.

На фронт

20 декабря 1942 г. Алексею Алексеевичу пришла повестка о призыве в действующую армию [88]. Ему нужно было прибыть в военкомат г. Барабинска. Для поездки ему выдали из колхоза лошадь, запряжённую в сани, и жена Анна Даниловна повезла его в Барабинск. Сын Александр провожал его до выезда из села: «Около солёного озера за деревней отец последний раз обнял меня, наказал помогать матери, и я со слезами на глазах побежал домой».

В документах, размещённых на портале «Память народа», содержатся следующие сведения об Алексее Алексеевиче: военно-учётная специальность – 121 (санитарные специалисты), социальное положение – колхозник, гражданская специальность – бригадир. Особые отметки: «благонадёжный» [89].

Первоначально Алексей Алексеевич прибыл для прохождения обучения в расположение 126-го запасного стрелкового полка 39-й запасной стрелковой бригады, которая с начала 1942 г. дислоцировалась в военном лагере «Черемушки» в одноимённом посёлке – пригороде г. Омска. Воинская часть комплектовалась исключительно за счёт лиц рядового и младшего начальствующего состава из запаса Омской, Новосибирской областей и Алтайского края. С 1942 г. сроки обучения военнообязанных составляли: для старших возрастов – участников войны, ранее служивших в армии и проходивших различные сборы – 2 месяца, необученных призывников – 6 месяцев [90].

Однако уже 30 декабря 1942 г. в составе маршевой роты № 4476 126-го зсп 39-й зсбр Алексей Алексеевич был переброшен в 225-й армейский запасной стрелковый полк 54-й армии, место дислокации – ст. Селивановская, Ленинградской обл. Отсюда 17 января 1943 г. Алексей Алексеевич был отправлен на фронт в расположение 1029-го стрелкового полка (в/ч 381) [91] 198-й стрелковой дивизии 54-й армии Волховского фронта, принимавшей участие в боевых действиях по прорыву блокады Ленинграда (по другим данным 31 января он выбыл в 392-й зсп) [92]. Почтовым адресом для переписки стал код «п/п 217» (полевая почта 217, или «ппс 217» – так обозначался адрес 198-й стрелковой дивизии, где воевал Алексей Алексеевич).

Близилась Смердынская операция, разработка которой началась 2 февраля 1943 г. В Директиве Военного Совета Волховского фронта говорилось: «В связи с затяжным характером фронтального наступления 2-й Ударной армии на Синявино приказываю: ударной группе войск 54-й армии про-

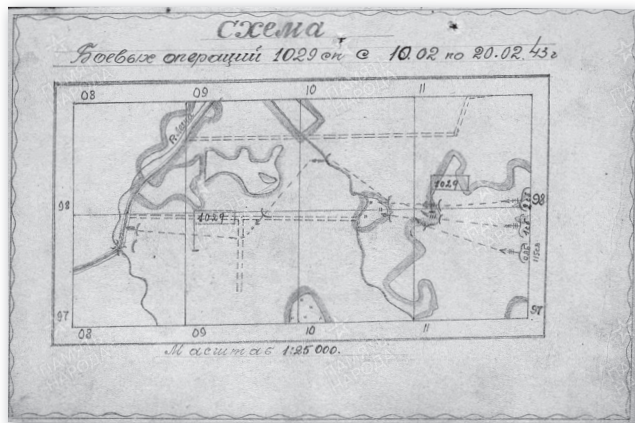

Схема боевых операций 1029-го стрелкового полка, февраль 1943 г.

Фрагмент карты РККА 1942 г. с обозначением местонахождения дивизионного кладбища

рвать фронт противника на участке Макарьевская Пустынь, Смердыня, Егорьевка, Кородыня. Главный удар нанести в направлении: Васькины Нивы, Шапки, с целью выхода в тыл Сиявинской группировки противника. Ближайшая задача: разбить противостоящего противника и выйти на рубеж: Костово, Бородулино, перерезать шоссе и ж.д. в р-не Любань». Таким образом, театр военных действий разворачивался к северо-востоку от нынешнего пос. Любань, Тосненского р-на Ленинградской обл.

Журналы боевых действий полка и оперативные сводки штаба дивизии, размещённые на портале «Память народа», позволяют подробно, по дням восстановить хронологию событий и картину боевых действий. В начале февраля проведена передислокация подразделений дивизии, личный состав занимается боевой подготовкой, осуществляет инженерные работы по возведению оборонительных сооружений на исходных рубежах, ведёт наблюдение за противником, работает разведка. Активность противника умеренная [93].

Согласно дополнению к краткой боевой характеристике 198-й сд: «На 9.2.43 г. дивизия насчитывает 5224 человека, из них 1188 активных штыков. Вывод: дивизия вполне способна к выполнению задач активной обороны. Может выполнять задачу наступательного характера» [94]. В оперативных сводках штаба 198-й сд сама дивизия обозначается под кодовым названием «Бром», а её подразделения: «Бритва» (1029-й стрелковый полк, в котором воевал Алексей Алексеевич), «Брага» (1027-й сп) и «Брусок» (3-й сп).

Начало Смердынской операции было назначено на 10 февраля 1943 г. Частям Красной армии, участвовавшим в сражении, была поставлена задача по прорыву укреплённой линии обороны немцев – двухметрового бревенчатого забора, заполненного внутри землёй. 1029-й стрелковый полк получил приказ прорвать оборону противника в р-не деревень Макарьевская пустынь – Смердыня и выйти на р. Лезна.

Утром 10 февраля стояла ясная морозная погода, температура составляла -8 -13°C, сила ветра 0-3 м/с, видимость 4-10 км. Согласно оперсводке штаба 198 сд на 5:00 утра «в течение прошедшего времени противник значительно усилил свою огневую активность, ведя огонь по переднему краю нашей обороны из пулемётов и автоматов». За предыдущий день (т. е. 9 февраля) батарея 75 мм орудий противника выпустила до 40 снарядов, вечером 81 мм миномёт и 75 мм орудие обстреливали расположение подразделения 1029-го сп в квадратах 98-11-В и 98-11-Г (см. схему).

Части и соединения ударной группы войск 54-й армии заняли исходные позиции. Артподготовка началась в 10 часов утра. Непосредственно перед атакой был произведён огневой налёт максимальной плотности: в 11:15 бомбардировочная и штурмовая авиация в течение 15 минут подвергла авиационной обработке передний край и ближайшую глубину обороны противника. В 11:30 ударная группировка 54-й армии, в первый эшелон которой входила 198-я стрелковая дивизия, поднялась в атаку с рубежа Макарьевская Пустынь, Егорьевка.

Однако противник оказал сильное огневое сопротивление. По переднему краю 198-й стрелковой дивизии с 11:30 до 15:00 выпущено до 100 мин 81 мм и 50 мм миномётами, с 12:40 до 13:10 – до 80 мин 105 мм миномётом. Поэтому наступающие части 54-й армии оборону противника прорвать не смогли и лишь на отдельных участках вклинились в его передний край. Пехота залегла, а штурмовые отряды понесли большие потери.

Подразделения дивизии к исходу дня вели огневой бой на рубеже 3 км восточнее Макарьевской Пустыни – сарай. Из оперсводки штаба 198-й сд на 17:00: «Противник открыл сильный пулемётно-автоматный и миномётный огонь по боевым порядкам Бром. На расстоянии 200–250 м от переднего края противника наши подразделения залегли и ведут пулемётный огонь по противнику».

Потери 198-й стрелковой дивизии за 10 февраля составили 122 убитыми и 328 ранеными. Потери противника – до 60 фашистов, разбито 7 ДЗОТ, 5 блиндажей, 4 станковых и 8 ручных пулемётов.

11 февраля. Начался второй день Смердынской операции. Немного потеплело: -6 -8°C, к вечеру пойдёт снег. Из оперсводки штаба 198-й сд на 4:00: «Противник ведёт предупредительный автоматнo-пулемётный огонь и огонь из миномётов по боевым порядкам наших подразделений».

Во время артиллерийской и авиационной обработки переднего края и ближних тылов противника, продолжавшейся с 10:00 до 11:15, дивизия пошла в наступление. Наступление велось двумя полками: «Бритва» (1029-й сп) на левом, «Брага» (1027-й сп) на правом фланге. «Брусok» (3-й сп) находился в резерве командира дивизии.

В 14:00 1029-й стрелковый полк прорвал оборону противника на участке фронта шириной 800 м и занял блиндажи противника. Совместно с подразделениями 311-й сд и танками 124-й тбр с большим трудом удалось проделать проходы в деревоземляном заборе противника и ворваться на передний край. Успех наших частей был обусловлен в том числе и тем, что бойцы дивизий прижимались к разрывам снарядов, выпущенных советской артиллерией, и вышли к забору ещё в период артиллерийского наступления. Полком взяты трофеи: радиостанция, станковый пулемёт с оптическим прицелом, 50 мм миномёт, две 37 мм пушки, склад боеприпасов. Из журнала боевых действий Волховского фронта: «к 16:00 1029-й сп, используя огонь артиллерии и орудий прямой наводки, ворвался в опушку леса 4 км севернее Смердыня (квадрат 97-10-А-В – см. схему), где и ведёт бой в глубине её обороны; второй полк (1027-й сп) продвижения не имел.

11 февраля дивизия потеряла 28 человек убитыми и 64 ранеными. Всего же за 11–12 февраля убито 150 и ранено 392 бойца 198-й сд. Потери противника – до 150 человек.

В этот день, 11 февраля, во время ожесточённых боёв погиб и наш Алексей Алексеевич. Он пробыл на фронте всего несколько недель... В извещении, хранящемся в районном военкомате г. Барабинска, сухие щемящие строки: «Ваш муж, стрелок части 381, Чечулин Алексей Алексеевич ... в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 11 февраля 1943 г. Похоронен: Ленинградская обл., Тосненский р-н, в р-не 3 километра севернее д. Омердыня [95]»... и подписи: командир части, подполковник Сощенко, начальник штаба, капитан Алексеев... Вечная память воинам, погибшим, защищая нашу Родину!

12 февраля операция продолжилась. Войска ударной группировки 54-й армии продолжали напряженные бои за расширение прорыва. Преодолевая упорное сопротивление противника, передовые подразделения вышли на р. Лезна (т. е. выполнили первоначально поставленную задачу) в 5 км северо-западнее Смердыня, продвинувшись в день на 1,5-2 км.

В день, когда погиб Алексей Алексеевич, был ранен и командир 1029-го стрелкового полка Харитонов, а уже через два дня, 13 февраля, в полк прибыл новый командир – подполковник Сощенко, который и подписал извещение о гибели Чечулина.

Смердынская операция не принесла ожидаемого результата. Вскоре стало ясно, что первоначальный план не сработал. Войска 54-й армии потеряли 6151 человека убитыми и 431 пропавшими без вести. Немецкие потери составили около тысячи человек. Итогом наступления стали отбитые у противника незначительные территории, не дававшие существенных выгод. 20 февраля 1943 г., по согласованию с командованием Волховского фронта наступление 54-й армии было приостановлено. В качестве причины неудач отмечались неумелые тактические действия командного состава, а также в целом слабая организация всей операции, спланиро-

Братское кладбище «Берёзовая аллея», п. Любаны, 2001 г.

ванная наспех и без должного уровня подготовки.

В 1943 г. Алексей Алексеевич был похоронен на временном воинском кладбище в 3 км севернее д. Смердыни. Это немного восточнее того места, где 10–11 февраля проходили бои. К одному из донесений со списком безвозвратных потерь 198-й стрелковой дивизии за январь–март 1943 г. приложена схема размещения дивизионного кладбища [96]. Согласно этому документу, оно располагалось примерно в 5 км к северу от центра посёлка Смердыня (см. илл. на с. 92),

у истока ручья, впадающего в речку Смердыньку. В 1960 г. временные могилы этого и ряда других окрестных кладбищ перезахоронили в г. Любаны на братском кладбище «Берёзовая аллея».

Когда в 2001 г. я приехал на это братское кладбище, число похороненных здесь воинов составляло 9789 человек, по паспорту захоронения 2014 г. – уже 10 027, а в 2017 г. – около 14 000. Кроме того, в 2017 г. обновлены часть старых плит и установлены новые; число стел составило 113, на них теперь нанесены имена 4997 погибших воинов. Выявление имён воинов и поиск их родственников продолжаются [97].

Чечулина (Андреева) Анна Даниловна

Анна Даниловна родилась 7 февраля 1901 г. в многодетной крестьянской семье в д. Бадажки, Казанской вол., Каинского у. Родители – крестьяне Даниил Петрович Андреев и законная его жена Мавра Андреевна, оба православные. Анна была крещена 11 февраля, её крёстной стала дочь крестьянина из села Бергульского Пелагея Сидоровна Томилова [98].

Анна была среднего роста, средней полноты, волосы русые, носила длинную косу.

Как и другие дети в доме родителей, часто привлекалась к хозяйственным работам. Вспоминала: «когда метали сено, а я вершила стог, по неосторожности упала со стога». Это падение сказало в пожилом возрасте – часто болела голова.

В 1919 г. вышла замуж за Чечулина Алексея Алексеевича и переехала к нему в село Устьянцево. Родила пять мальчиков: Фёдора, Михаила, Владимира и Александра. Ещё один мальчик умер в младенчестве.

Анна Даниловна была очень трудолюбивой. Вставала раньше всех и ложилась позже всех, да ещё поднималась ночью, чтобы подбить квашню [99]. Дети никогда не видели, чтобы она сидела, ничего не делая, или отдыхала сложа руки. Заботы о большой семье и хлопоты по хозяйству отнимали у неё очень много времени. Постоянная нужда в деньгах требовала с её стороны большой изобретательности: как и чем накормить, во что обути и одеть своё большое семейство. Не умела ни читать, ни писать, но хорошо знала счёт деньгам. Экономно и с расчётом расходовала каждую копейку семейного бюджета.

В семье было заведено: всё, что носил старший ребёнок, после реставрации переходило к младшему, если после этого вообще можно было что-либо отремонтировать. Чаще всего одежда и обувь изнашивались до такой степени, что ремонту не подлежали. Но, несмотря на это, дети всегда ходили в чистой и опрятной одежде и обуви.

К детям относилась строго. В летнее время каждому из них, по мере сил, давала задание: кому и сколько прополоть грядку в огороде, сколько привезти бочек воды с озера и какие грядки полить. Из домашней работы детям не нравилось копать картошку. Огород был большой, около полгектара, поэтому убирали овощи и копали картошку несколько дней. Вечером,

придя с работы, строго проверяла выполненную за день работу. Если же по пути домой её перехватывал кто-то из соседок с жалобой, что дети что-то натворили – начинался разбор.

Из воспоминаний сына Александра: «Следует отметить, что детки росли не пай-мальчиками: то окно разобьют у кого-то (не из хулиганства, а в результате стрельбы из рогатки, игры в шарик или в чижа и т.д.), то курицу убьют в охотничьем азарте. Один пример. Однажды мама послала Владимира, чтобы он помог мне принести доску, станок для изготовления кизяка и ведро, коими я пользовался, делая кизяки на общей навозной куче в бригаде. Поскольку одна рука у меня теперь освободилась, я не мог спокойно пройти мимо кур, которые ходили около дома недалеко от бригады. Схватив осколок кирпича, запустил им в одну из кур, и "очень удачно". Вечером после работы хозяйка кур принесла маме труп курицы, доложив, что её убили "твои псы", и маме пришлось тут же отдать ей свою несущку. При проведении немедленного расследования, я выдал железную версию своей невинности: "Я просто бросил камешек, а курица сама набежала на него и упала; я не бросал в неё и не хотел убивать." На сей раз санкция была гуманной, без порки, но нужно было прополоть в два раза больше нормы грядок и картошки в огороде. Конечно, такое поведение деток не прибавляло радости маме».

Мария Васильевна так описывала этот случай: «Бесконечно усталая за долгий летний день на колхозном сенокосе, сидит моя дорогая тётя Анна Даниловна на табуретке, опустила руки, не в силах, кажется, и слова молвить. Заходит какая-то из соседок, держа в руках курицу. "Вот, Нюронька, твои ... убили камнями или из рогатки, оставляю я её тебе, отдашь мне живую." Только и произнесла тётя Нюра: "Иди, матушка, сама возьми с насеста в пригоне [100] живую, какую хочешь." Сколько же брани было после этого... Как не прибить за такие дела сынков?!»

Вечером в обязанность детей входило, чтобы вся скотина была дома. Скотину встречали у околицы [101] села вечером, когда пастух гнал стадо коров и овец с пастбища. Нужно было дожидаться стада и всю свою скотину пригнать домой. Особенно хлопотно было с овцами, которые часто убегали в другие дворы. Анна Даниловна специально, чтобы они вечером сами возвращались во двор, готовила для них поило [102], которое они с жадностью выпивали.

В тридцатые годы семья постоянно жила под страхом ссылки. Из воспоминаний сына Александра: «Я помню, как мама ночами сидела у открытого окна и смотрела на улицу: не приехала ли чёрная машина для ареста отца, который днями и ночами пас скот на Бродах. Нередко мы вместе полночи ревели». Преследований боялись не из-за богатства, которого не было, а из-за религиозных убеждений Алексея Алексеевича, из-за того, что он пел в церкви и был псаломщиком.

Поводов для страха у Анны Даниловны было более чем достаточно. В сентябре 1937 г. арестовали брата Анны Даниловны Василия [103]. В феврале 1938 г. на лесоповале в сильный мороз он отморозил ноги, они прямо пристыли к сапогам. Когда его разували, подошвы остались в сапогах. Началось заражение крови, и вскоре он умер. Анна Даниловна плакала, рассказывая о нём, и всегда приговаривала: «За что они сгубили нашего парнишку Васю, что он знал, где и чему вредил? Вечный работяга, мужчина сильный, внешне видный, старательный и трезвый человек, отец двоих детей...». Не любила Анна Даниловна никаких разговоров о работе, о жизни, ничего лишнего никогда не говорила,

Анна Даниловна Чечулина
(в дев. Андреева) Барабинск,
1930-е гг.

Фрагмент складня «Двадцатые праздники и поклонение иконам Богородицы», найден в с. Устьянцево

Александр, Фёдор и Михаил Чечулины, Барабинск, август 1947 г.

Владимир Чечулин, Владивосток, июль 1951 г.

ни с кем и ни о чём. Приехали однажды в деревню какие-то корреспонденты знакомиться с жизнью, бытом, работой доярок и других крестьян. Её попросили, чтобы поведала приезжим о своей жизни и работе. Так она ушла в дальний скотный двор, куда и местное-то начальство не желало заглядывать. Вот и всё её «интервью».

В колхозе работала на полевых работах, затем дояркой на ферме. Как лучшая доярка колхоза ездила на слёт передовиков сельского хозяйства в г. Барабинск. В летнее время работала в бригаде на уборке пшеницы, овса, вязала снопы, жала серпом пшеницу. Мужики в бригаде говорили, что у Анны Даниловны снопы самые тяжёлые, крепко связаны и не рассыпаются. На жатве была ударницей. В период сеноуборки копнила, подскребала сено. Зимой тоже работала в колхозе – веяла (раньше это называлось «подработка семян») [104].

Не успела семья оправиться от страха 30-х годов, как грянула новая беда – война. Из семьи на разных фронтах Великой Отечественной воевали муж Алексей Алексеевич, сыновья Фёдор, Михаил и Владимир. Всю войну Анна Даниловна жила со страхом, что на кого-нибудь придёт похоронка. В эти годы страшно боялись почтальона, который разносил по деревне почту, в том числе и похоронки. В годы войны и после неё Анна Даниловна работала на промкомбинате [105] в Устьянцево разнорабочей, например, носила с озера воду. Лошадей было мало, а для производства требовалось много воды, вот и приходилось её носить вручную на коромыслах. Особенно трудно было нести полные вёдра, так как дорога от озера шла в гору.

После гибели мужа на войне, приблизительно в 1949 г. [106], вышла замуж за Митрохина Михаила Васильевича и вскоре уехала с ним на 704-й км ЗСЖД, где он работал путевым обходчиком. Там стояло три барака, в которых располагались всего 5 семей. Здесь они прожили несколько лет, после чего Михаила Васильевича перевели работать на разъезд Кирзинское, куда они впоследствии и переехали. Фамилию Анна Даниловна по документам сменила, но сама продолжала называть себя Чечулиной. В Кирзинском не работала, вела домашнее хозяйство. Михаил Васильевич был доброй души человек, высокого роста, черноволосый, сухощавый, носил усы. Любил рыбалку, был хорошим плотником: переделал дом Чечулиных в Устьянцево, а когда переезжали в Кирзинское, разобрал, перевёз и снова собрал его на новом месте.

Анна Даниловна была отличным кулинаром. Из имеющихся скромных продуктов она всегда умела приготовить разнообразную пищу. Пекла очень вкусные калачи, шанги [107], блины, разные пирожки: с капустой, картошкой, морковью, яйцами, творогом и ягодами, обильно сдобренные сливочным маслом. Часто готовила кашу из пшеничной крупы, смолотой вручную на жерновах. Эта крупа была постоянным спутником питания семьи. Пшеничную кашу готовила на молоке в глиняном горшке, ставила в печь на зажётку [108] для томления. Каша, заправленная сливочным маслом, получалась вкусна и питательна. После того как в

кути поставили плиту, русскую печь Анна Даниловна топила не чаще одного раза в неделю, когда стряпала хлеб для всей семьи на неделю. В этой же печи пекла блины, томила и получала очень вкусное молоко коричневого цвета с толстой коричневой пенкой. Яйца варила то вкрутую, то всмятку.

Также Анна Даниловна готовила очень вкусный квас. Он славился среди близких и дальних соседей деревни. Соседки частенько приходили к Чечулиным попить кваса. Квас получался крепкий, ядрёный, ударял в нос. Иногда вся еда состояла из тертой редьки, кваса, картошки и куска хлеба. В праздничные дни Анна Даниловна пекла крендели, различного рода булочки и как лакомство – сушки. Молоко и яйцо смешивала с небольшим количеством муки, выливала в блюдо и ставила в русскую печь – получалось воздушное сдобное изделие, полое внутри. Когда сушки пеклись, нельзя было бегать или топтать по полу, чтобы печь не тряслась и сушка не опала.

Летом семья питалась в основном молочными продуктами, яйцами и овощами с огорода. Зимой в питание входило мясо и разные блюда из него, а также картошка. Ближе к Новому году или после него открывали погреб и доставали морковь, брюкву, репу, соленья. Для детей это был настоящий праздник – ешь сколько хочешь. Особенно были вкусны малосольные огурцы и капуста, засоленная в бочке кочанами, разрезанными на части. Летом и зимой из молока получали простоквашу, творог, сметану, масло, просто пили топленое и свежее молоко. Масло делали вручную на маслобойке, это был длительный и очень тяжёлый процесс.

Анна Даниловна сама ткала холсты изо льна и шерсти, полотенца с узорами. Для этого у знакомых брали красны [109]. Ткала Анна Даниловна зимой, а сотканный холст расстилала на снег в огороде для отбеливания. После отбеливания он становился мягким и хорошо поддавался обработке, как говорили раньше, «отбывивал» [110]. Из холстов на ручной швейной машинке «Зингер» шила рубашки, штаны на всю семью, а себе – платья. Пряла шерсть, собственноручно (но с помощью мужа) настриженную с овечек, и вязала из пряжи рукавицы, носки, шарфы.

Такая вот была Анна Даниловна мастерица. Вот как отзывался о ней сын Фёдор: «С высоты прожитых лет я не перестаю удивляться, где она брала столько сил и энергии, чтобы для всей семьи готовить, кормить, обшивать, обстирывать, заниматься воспитанием детей. В годы войны жить в постоянном страхе, что почтальон принесёт похоронку на мужа или детей, и вкалывать бесплатно целые дни на колхозной работе».

Анна Даниловна вырастила и воспитала четверых детей.

Фёдор (1920–2021), капитан технической службы, начальник ремонтной автомастерской и заместитель командира автороты по технической части, помощник начальника штаба авиационно-технического батальона Дальней авиации, начальник строевой части и кадров, начальник оперативно-технического отделения авиационно-технической базы Дальней авиации. Инженер бюро технической информации завода «Химаппарат». Участник войны 1941–1945 гг. Проходил службу в Польше в составе советских войск в 1945–1946 гг. Похоронен в г. Новосибирске.

Михаил (1923–1985), капитан, военный представитель на артиллерийском заводе, эксперт по вооружению Могилёвского облвоенкомата. Следователь, старший следователь, начальник отряда лагеря особого режима МВД СССР. Участник войны. Похоронен в г. Ишиме

Владимир (1927–1981(2)), комсорг, политрук на корабле. Член, затем председатель парткомиссии Тихоокеанского флота. Контр-адмирал. Начальник Политуправления, секретарь партийного комитета тыла ВМФ СССР. Участник войны с Японией в 1945 г., участник дружеского похода отряда кораблей Тихоокеанского флота во Вьетнам. Прошёл боевой путь от старшины 2-й статьи до контр-адмирала. Умер в санатории. Похоронен в г. Ленинграде. [111]

Александр (1929–2007), полковник, начальник спецкафедры Высших курсов КГБ (впоследствии Институт ФСБ). После демобилизации – старший научный сотрудник Института философии и права СО АН СССР. Профессор кафедры философии НГУ, профессор кафедры психологии и педагогики НГАСУ, профессор юридического факультета НГАУ. Доктор философских наук, член-корреспондент Международной академии психологических наук, профессор, автор 7 монографий и более ста пятидесяти других научных работ.

Анна Даниловна умерла 25 ноября 1984 г. в г. Новосибирске, похоронена на Гусинобродском кладбище.

Родители Анны Даниловны

Родители Анны Даниловны – Данила Петрович и Мавра Андреевна (в дев. Чернышёва) – проживали в деревне Бадажки (Бадашкова, Баташ-ковская) Казанской вол., Каинского у. В настоящее время д. Бадажки относится к Барабинскому р-ну и находится в 17 км к юго-востоку от Устьянцево по прямой, а по современным дорогам – более чем в 40 км.

Деревня Бадажки – это старожильческое селение, оно существовало по меньшей мере с 1793 г., когда в деревне было всего 4 двора. Одни из первых жителей – Бадажковы и Некрасовы. Андреевы пришли в деревню позже, в 1825 году их ещё здесь не было. В 1859 г. в деревне 35 дворов, в 1878 г. – 60, в 1904 г. – 77, а в 1926 г. – 101 хозяйство.

Сохранились списки крестьян д. Бадажковой за 1901 год со сведениями об их экономическом положении. В этом документе находим дворы Данилы Андреева и Андрея Чернышёва. У Андреева в семье 6 человек (3 мужчины и 3 женщины), из них работников – один мужчина и одна женщина. Скота: 6 лошадей, 6 коров и 25 голов мелкого скота. Под посевами 5 десятин пшеницы, 2 – овса и 1/2 – яровых (посевы повреждены кобылкой, червём или мышами). Запаса хлеба не имеет. В запасе 10 копен сена для корма лошадей и скота.

То же по хозяйству Чернышёвых. В семье 5 человек (3 мужчины и 2 женщины), из них работников – один мужчина и одна женщина. Скота: 8 лошадей, 10 коров и 20 голов мелкого скота. Под посевами 7 десятин пшеницы, 3 – овса и 1 – яровые (посевы повреждены кобылкой, червём или мышами). Запаса хлеба не имеет. В запасе 20 копен сена для корма лошадей и скота. [112]

Подворные карточки сельскохозяйственной переписи за 1916 г. по деревне не сохранились, а в списке избирателей в Учредительное собрание 1917 г. в д. Бадажки (4-й участок Казанской вол.) находим Андреевых Данилу Петровича (56 л.), его жену Мавру Андреевну (50 л.) и сноху Анну Ивановну (24 г.), а также брата Данилы Константина Петровича (54 г.), его жену Анастасию Ивановну (50 л.) и дочь Анну Константиновну (20 л.). Другие члены семьи, которым не исполнилось 20 л., в этих списках не указаны. [113]

Фрагмент складня «Богоматерь страстная. Избранные праздники», найден в с. Устьянцево

Оттиск печати Успенской церкви села Устьянцево, 1913 г.

Семья Андреевых, пригл. 1912 г. [119]

По рассказам внука Фёдора, семья Андреевых жила в своём собственном доме, состоявшем из избы и горницы, сеней и кладовки. В углах избы и горницы висели иконы. В избе стояла большая русская печь, которая служила для обогрева помещения и выпечки своего хлеба и варки хлёбова [114]. На печи в зимнее время спали старики и малые дети.

Пол в доме был покрашен краской, стены и потолок побелены известью. В доме было много окон, на подоконниках которых всегда росли разные цветы – Мавра Андреевна была любительница их выращивать.

Андреевы вели крестьянское хозяйство, содержали различный скот и птицу, выращивали хлеб, по достатку их можно отнести к середнякам. Из сельхозтехники имелись: сенокосилка, грабли, молотилка, веялка. Данила Петрович был трудолюбив, много работал и заставлял это делать детей по мере подрастания. Высок ростом, черноволок, носил бороду, широк в плечах, грамотный, не курил, водку не пил. Зимой ухаживал за скотом и вязал сети. Наёмных работников Андреевы не привлекали, со всем хозяйством справлялись сами. Заготавливали много сена, его нужно было вовремя заскирдовать [115], а зимой по снегу вывести во двор.

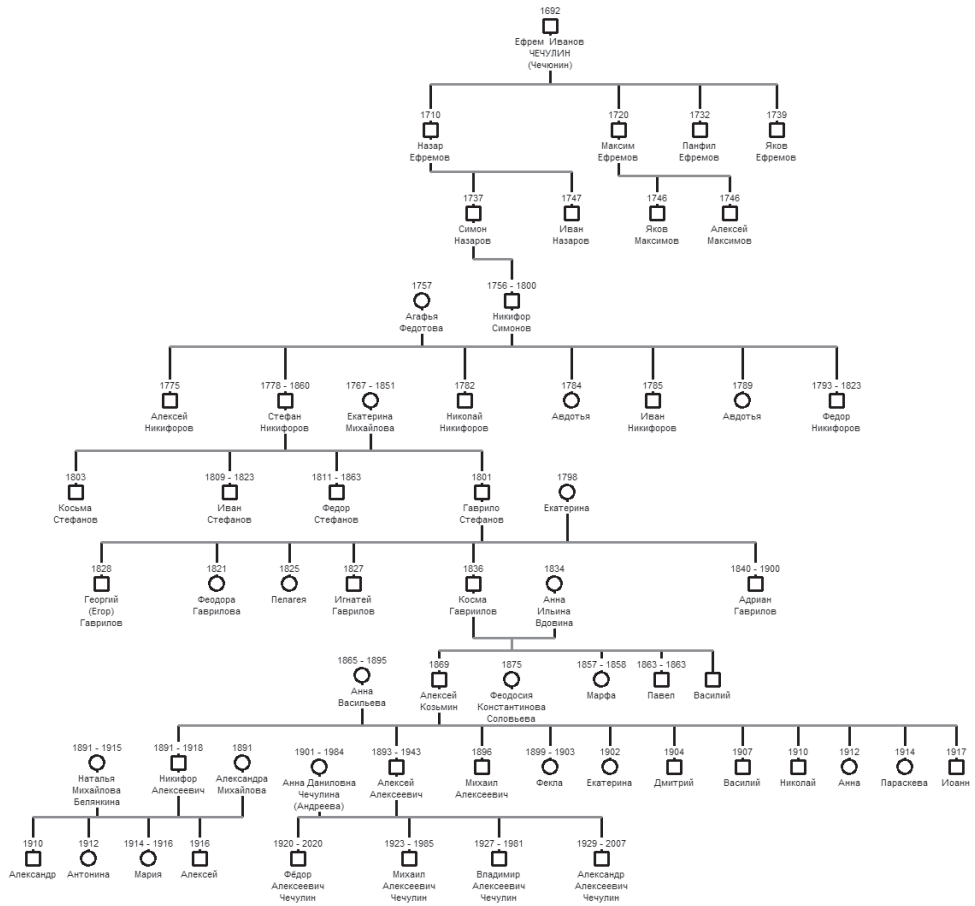
У Данилы и Мавры было шестеро детей – три мальчика и три девочки: Василий, Афанасий, Михаил, Анна, Мария и Клавдия. После того как дочь Анна вышла замуж и переехала в Устьянцево, частенько приезжали к ним в гости. Примерно в 1936 г. из-за опасения быть раскулаченными бросили хозяйство в Бадажках и переехали к дочери в Устьянцево. К этому времени их дети уже разъехались кто куда: дочери повыходили замуж, а сыновья подались в город.

Данила Петрович увлекался рыбалкой. Он один кормил рыбой весь совхозный посёлок, а в семье постоянно были рыбные блюда. Для рыбалки ему был выделен конь по кличке Савраска, которого он всё время холил, кормил, ухаживал за ним. Савраска отличался от других совхозных коней именно своей ухоженностью и упитанностью. Данила катал на Савраске своих внуков, когда те были ещё малышами. Любил он внуков от всей души, не тяготился исполнять любые их капризы. Из воспоминаний внучки Марии: «Только, бывало, укладётся он на печи отдохнуть, погреться, как я начинаю канючить: “Деда, слазь читать книжку, сказку хочу!” – И слазит с печки мой деда Данила, ворчит: “Не даст погреться, не даст отдохнуть!” Подвигает поближе к глазам керосиновую лампу, отставляет подальше от глаз книгу и начинает читать. Слушаю с радостью, и деда кажется мне самым умным, самым красивым, самым лучшим из всех людей».

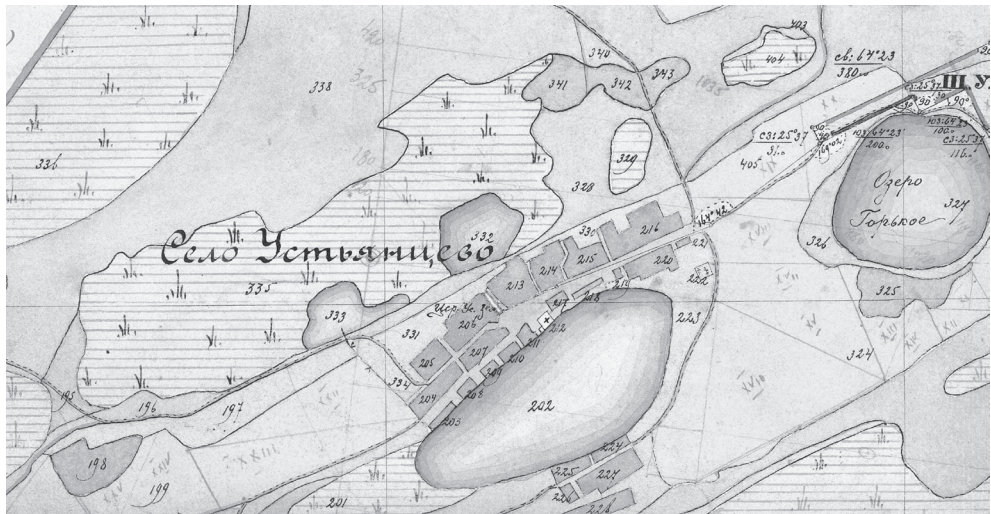
Однажды осенью (возможно, в 1936 г.) после рыбалки на озере Данила Андреев снял сети, сложил их вместе с рыбой в лодку и пошел за лошадью, которая паслась в роще неподалеку. Но видимо с ним случился сердечный приступ [116], и он умер прямо в лесу. Через несколько дней его тело обнаружил местный охотник.

Мавра Андреевна занималась домашними делами, растила детей, поила, кормила всю большую семью. Трудолюбивая, любовь к труду постоянно прививала своим детям. До конца своих дней была здоровая и подвижная. Частенько приходила из Бадажков навестить дочь Анну и внуков, когда те уже жили в Устьянцево (15–18 км от Бадажков). Рачительная хозяйка, мастерица ткать, вязать, отменная кулинарка, она делилась своим умением с соседками, с односельчанками. Никогда не была замечена в ссорах с кем-нибудь. Любила внуков, заботилась о них, ветерку не давала на них дунуть. Внучка Мария вспоминала: «Возвращаясь из школы по деревенской грязи, застревала в грязной луже так, что ревела горькими слезами, не ведая, как выбраться. Идёт моя дорогая бабушенька, берёт под мышку, выволакивает из грязевого плена, обмывает обувь, вытирает слёзы, угощает чем-нибудь сладким, чтобы замолчала. Если же кто-то из внуков заболел, она не станет ни пить, ни есть, спать не ляжет, всё будет хлопотать возле заболевшего, трогать ладонью его лоб, гладить по голове, что-то приговаривать, стараясь облегчить состояние внука или внучки».

В один из дней, когда её внуки Александр и Клавдия [117] сидели за столом и что-то читали, она легла на полу [118] отдохнуть. Когда же её дочь Анна пришла с фермы с дойки коров, она заметила, что мама (Мавра Андреевна) лежит как-то необычно, и обнаружила, что она уже умерла, а Саша и Клава ничего не слышали и не видели, хотя находились рядом. Случилось это приблизительно в 1940 году.

Сокращённая схема рода Чечулиных

Фрагмент карты 1902 г. с обозначением с. Устьянцево

Вместо послесловия

Вот такую историю о наших предках Чечулиных я сегодня представляю на суд читателей данного сборника. В основу её легли воспоминания о жизни семьи Алексея Алексеевича и Анны Даниловны Чечулиных, рассказанные мне их сыновьями Александром и Фёдором и племянницей Марией в начале 2000-х гг., дополненные сведениями, найденными в архивах и библиотеках.

Изучая историю рода Чечулиных, я открыл для себя и уникальную историю села Устьянцево, которая оказалась настолько интересной и познавательной, что на собранном обширном материале уже подготовлено и опубликовано несколько статей. Первые жители села, поселившиеся здесь в 1793 г., в начале XIX в. стали старообрядцами, что заложило основную мировоззренческую линию их сельского общества на сто с лишним лет вперёд. Здесь в суровых сибирских условиях они обустроивали свой быт, и благодаря своей сплочённости и социальным связям со старообрядцами других губерний, проявив высокую устойчивость в вопросах веры, отстояли свои убеждения и избежали репрессий со стороны властей. Хочется, чтобы потомки узнали о том, как протекала их жизнь в селе Устьянцево в довоенное и дореволюционное время и сохранили эту память для последующих поколений.

В середине октября 2022 г. мне удалось посетить с. Устьянцево и пообщаться с местными жителями. Чечулиных в селе по-прежнему много. Побывал я и на том месте, где раньше располагалась Успенская церковь – старожилы ещё помнят, как они учились в её здании, перестроенном в школу. Были собраны новые сведения об истории села, обнаружены старинные складни и кресты – реликвии старообрядцев села Устьянцево. Однако на этом история не заканчивается, поиски продолжаются. На форуме «Всероссийское генеалогическое древо» создан раздел, посвящённый истории нашего села (<https://forum.vgd.ru/6183/132146/>). Пожалуйста, пишите, если у вас есть какие-то новые данные или иная информация об истории Устьянцево и его жителей.

Примечания:

1. Устьянцево (с.) – центр одноимённого сельсовета, расположено между двумя озёрами в 2 км к югу от трассы Р-254 Иртыш (бывшая М-51), и примерно в 30 км (по прямой 25 км) от райцентра – г. Барабинска.
2. Клировые ведомости – документ о службе лиц духовного сословия, ежегодно составлявшийся в приходе. Включал три части: сведения о церкви, послужные списки притча, статистические данные о приходе.
3. Письмо Государственного архива Томской обл. от 20.02.2001 № 1654. Были просмотрены клировые ведомости церкви с. Устьянцево Каинского округа за 1913 г.: Ф. 170. Оп. 1. Д. 4230. Л.85-92 (по новой нумерации это дело 4422).
4. На деревню дедушке – устойчивое выражение, подразумевающее, что в письме или другом документе указан неясный, неточный, сомнительный, а то и вообще выдуманный адрес. Выражение пришло к нам из рассказа А.П. Чехова «Ванька», опубликованного в 1886 году.
5. Вероятно, Плотникова.
6. Полевая почта 217 – почтовый адрес дивизии, в которой воевал Алексей Алексеевич (см. далее).
7. <https://obd-memorial.ru/> и <https://pamyat-naroda.ru/>.
8. <https://www.familysearch.org/>.
9. <https://archportal.nso.ru/app/kollektsiya-metriceskikh-knig/>.
10. Центром уезда был г. Каинск, который в 1935 г. переименован в Куйбышев.
11. Эти сведения по-прежнему доступны на моём сайте: <https://www.evsyukov.ru/places/ustyan.html/>.
12. Список населённых мест Сибирского края. Том 1. Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. С. 248.
13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4030.

14. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 83. Л. 473 об–474, 801 об–803.
15. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 92. Л. 25 об–26, Д. 96. Л. 529 об–530, Д. 111. Л. 151–152, 359–360. Ф. 264. Оп. 1. Д. 12.
16. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4030. Л. 453, 454.
17. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 139. Л. 565–566.
18. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 217. Л. 365–366.
19. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 40. Л. 10 об–11.
20. Подробнее о ранней истории с. Устьянцево и Николаевской церкви см. статью: Евсюков Д.Е. К вопросу о присоединении старообрядцев Томской епархии к единоверию (на примере учреждения единоверческого прихода в селе Устьянцево Каинского у.) // Новосибирский временник. 2022. № 2. С. 60–72 (издание доступно онлайн по адресу: <https://journal.dsnsk.ru/>).
21. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 455. Л. 40, 41.
22. Церковь с. Устьянцево входила в 22-е благочиние Томской епархии.
23. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4707. Л. 19 об–20.
24. ГАНУ. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 167. Л. 1 об–2.
25. Данный случай подробно описан в статье: Евсюков Д.Е. Об отказе единоверцев с. Устьянцево крестить детей в православие // Сибирский архив. 2022. № 3 (издание доступно онлайн по адресу: <https://archivesiberia-journal.nso.ru/page/365>).
26. О двух единоверческих приходах Томской епархии // Томские епарх. вед. 1889. № 15, отд. неоф. С. 7.
27. Беликов Д.Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск, 1901. С. 214. Подробно об истории Успенской церкви с. Устьянцево, включая состав притча за 1841–1918 гг. см. мои публикации в журнале «Живоносный источник» Искитимской Епархии Новосибирской Митрополии РПЦ (<http://iskitimerparhia.ru/ji/>): «Церковно-приходская школа в с. Устьянцево Барабинского р-на» (№ 3 за 2022 г., С. 26–31), «К истории Успенской церкви с. Устьянцево Каинского у.» (№ 4 за 2022 г., С. 27–38).
28. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 554. Л. 92 об–93, Д. 558. Л. 243 об–244.
29. Кузьмина Ф.С. Развитие товарно-денежных отношений в сибирской деревне первой половины XIX в. (По материалам Каинского округа Томской губ.) // Вопросы истории Сибири: Сборник статей. Вып. 3. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. С. 52–53.
30. Пестреченко П. Письмо в редакцию. По поводу статьи «Устьянцевское целительное озеро» // Томские губ. вед. 1864. № 45, час. неоф. С. 308.
31. Краткая история целебного озера изложена в статье: «Горькое озеро» // Вести (г. Куйбышев). 2022. 2 авг. (№ 31). С. 7; 9 авг. (№ 32). С. 7.
32. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 153.
33. Кроме того, найдено несколько упоминаний о Чечулиных в д. Круглоозерной той же Казанской вол. (в 1-й пол. 1820-х и во 2-й пол. 1840-х гг.), родство которых с основной ветвью пока под вопросом.
34. Восприемники – крёстный отец (крёстный) и крёстная мать (крёстная) – духовные родители в христианской традиции. Восприемник принимает ребёнка на руки из купели при христианском обряде крещения.
35. ГАТО в г. Тобольске. И154. Оп. 8. Д. 476. Л. 270 об–271, Д. 553. Л. 184 об–186.
36. По современным дорогам 124 км, по прямой – почти 90 км.
37. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 221.
38. ГАНУ. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 56, 2183.
39. В настоящее время д. Старый Кошкуль при оз. Кошкуль относится к Чистоозёрному р-ну, Новосибирской обл. и входит в состав Троицкого сельсовета.
40. ГАТО в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 7. Д. 2086.
41. Урман, местн. – густой, заболоченный лес [НСРЯ]; (тюрк.) – темнойвойный лес (пихта, кедровая сосна, ель) на приречных участках таёжной зоны Западной и Средней Сибири [РЭС].
42. Скит – небольшой отдельный, чаще старообрядческий монастырь в глухой местности [ТСОШ].

43. Ныне с. Болдырево в Абатском р-не, Тюменской обл. В 1806 г. д. Большая Болдырева и некоторые соседние селения были переданы из Черемшанской в Фирсовскую вол.
44. В отличие от предыдущей д. Чечулиной эта упомянута в Списках населённых мест Тобольской губ. по сведениям 1868–69 гг., в этот период в ней зафиксировано 9 дворов.
45. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3572. Л. 160.
46. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 58а. Л. 6 об–7. При рождении первого сына Никифора в 1891 г. Анна записана как православная.
47. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 59. Л. 27 об–28.
48. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 59. Л. 75 об–76.
49. ГАНО. Ф. Р-240. Оп. 1. Д. 532а. Л. 43 об, 44 об.
50. Умерла в 1903 г.
51. Умерла в 1916 г.
52. Мой дедушка говорил, что у Алексея Алексеевича отец был «приёмный», а мать родная, но точно в этом уверен не был. Архивные документы показали обратное.
53. Река Дунаец – правый приток Вислы, протекает по территории Польши и Словакии к востоку от Кракова.
54. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 489. Л. 84 (https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie13140906/); https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_plen32880151/ (дата обращения: 22.03.2022).
55. Анна Даниловна – жена Алексея Алексеевича.
56. Болотина, разг. – болотистое место; болото [НСРЯ].
57. Азя́м, устар. – верхняя долгополая одежда крестьян из домотканого сукна или шерсти, разного покроя и назначения [СРГ НСО].
58. Пимы́ – валенки [СРГ НСО].
59. Лохма́шки, лохма́тки – меховые рукавицы, сшитые мехом наружу [СРГ НСО]. Дедушка пояснял так: лохмашки – это рукавицы, сшитые обычно из овечьей шкуры мехом внутрь. Надевались поверх вязанных рукавиц. Иногда лохмашки делали из собачьей шкуры, тогда шерсть была наружу.
60. Чуни – здесь: лапти из невыделанной (сырой) кожи.
61. Псаломщик – служитель в православной церкви, помогающий священнику во время богослужения, одна из низших служебных должностей в церкви. По-видимому, Алексей служил псаломщиком уже после революции, т.к. в клировых ведомостях Успенской церкви с. Устьянцево до 1913 г. включительно, а также в Томских епархиальных ведомостях до 1918 г. его имя не найдено.
62. Церковь была закрыта постановлением Облисполкома № 70 от 14.01.1938, вскоре Устьянцевскому сельсовету разрешили использовать её под начальную школу. Позже деревянное здание церкви было разобрано, а строительный материал использован на строительство двухэтажной семилетней школы (до этого школа в селе была четырёхлетняя).
63. Потник – войлок, употребляемый вместо матраца [СРГ НСО]. Обычное значение: войлок, подкладываемый под седло [НСРЯ].
64. Пау́т, местн. – овод [НСРЯ]. Стрoки – мелкие оводы, другого цвета и окраски, их укусы для скота были особенно болезненны.
65. Ма́тка, ма́тница – здесь: основная балка, на которую настилаются доски потолка [СРГ НСО].
66. Трудодень – мера затрат труда в колхозах, применявшаяся в 1930–66 годах; служила основой распределения доходов [БЭС].
67. Вспашка зяби – обработка почвы, проводимая летом или осенью для лучшего накопления влаги, питательных веществ, уничтожения сорняков и вредителей.
68. В Отделе архивной службы администрации Барабинского р-на сохранились книги учёта трудодней колхозников колхоза им. «Тимирязева» за послевоенные годы. В одной из них расписаны начисления и по семье Анны Даниловны (в это время она жила с Митрохиным М.В., за которого в 1950 г. вышла замуж), например, за 1948 г.: Ф. 91. Оп. 1. Д. 2. Л. 22 об.
69. Урма́н, местн. – густой, заболоченный лес (см. ссылку выше).

70. Изба́ – здесь: внутреннее жилое помещение крестьянского дома [НСРЯ]. Горница – чистая половина крестьянской избы [НСРЯ]. Сѣнки – сени, прихожая или пристройка к дому (сѣнцы) [СРГ НСО]. Сѣни – в деревянных избах и в старину в городских домах помещение между жилой частью дома и крыльцом [ТСОШ].

71. Пла́ха – здесь: толстая широкая доска; плахи выпиливали из брёвен вручную продольными пилами.

72. Су́сѣк, за́кром – отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна, муки [ТСОШ].

73. Пола́ти – нары в избе, устраиваемые под потолком между печью и стеной [ТСОШ].

74. Седа́ло, седа́ло, местн. – насест [НСРЯ].

75. Линейность – характеристика керосиновой лампы, от которой зависела её светимость – ширина фитиля в линиях (мера длины, составлявшая 1/10 дюйма или около 2,5 мм). Именно это значение дало народное прозвище для таких ламп, которые называли «семилинейка», «двадцатилейка» и пр. Основными стандартными размерами фитилей были 3-, 5-, 7-, 10-, 15- и 20-линейные.

76. Ку́ть, местн. – задний, женский угол в избе, место перед печкой [НСРЯ].

77. Голландка, разг. – голландская печь [НСРЯ]. Печь-голландка предназначалась только для отопления помещений, а не для приготовления пищи как русская печь.

78. Кошма́ – большой кусок войлока, войлочная подстилка [ТСОШ].

79. За́возня, за́возня – крытый двор; большой амбар с широкими двухстворчатыми дверями, в который заезжали на телегах [СРГ НСО].

80. Мяки́на – отходы, получаемые при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков, льна и некоторых других культур [НСРЯ].

81. Кизя́к – прессованный с примесью соломы навоз, употребляемый в степных и южных р-нах как топливо и для сельских построек [ТСОШ].

82. Плетѣнь – изгородь, сплетѣнная из прутьев и ветвей [НСРЯ].

83. Коровя́к – помёт коров.

84. Око́лок, ко́лок – небольшой участок леса, перелесок, окружённый полем или лугами.

85. Лѣн любит влажную землю, защищённую от холодных ветров, поэтому его сеяли на полянах.

86. Деля́нка – участок земли (поля, леса), выделенный для обработки, вырубки [ТСОШ].

87. Тальник – кустарниковая ива, прутья, ветви такого кустарника [НСРЯ].

88. Военный комиссариат г. Барабинска, Барабинского и Здвинского р-нов Новосибирской обл. Книга призванных г. Барабинска и Барабинского р-на (25.06.1941–04.05.1945). Том 2, буквы от Р до Я. С. 82.

89. ЦАМО. Ф. 8520. Оп. 43322. Д. 26. Л. 22.

90. Ушли на фронт с берегов Иртыша: воинские части, сформированные в поселке Черемушки г. Омска в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие / А.В. Сушко [и др.]. Омск: ОАБИИ, 2021. С. 34–36.

91. Номер полка был установлен по фамилиям командира и начальника штаба полка, которые подписали извещение о гибели Алексея Алексеевича. Кроме того, на портале «Память народа» найдены несколько бойцов 1029-го сп 198-й сд, которые также состояли в в/ч 381 и погибли в эти дни под Смердыней, например, Соколов Иван Гаврилович, 1923 г.р. (командир огневого взвода, погиб 11.02.1943), Хлюпкин Александр Алексеевич, 1910 г.р. (командир миномётной роты, погиб 13.02.1943), Компанченко Жорж Павлович, 1924 г.р. Предположительно, в/ч 381 – это одна из рот 1029-го стрелкового полка, возможно, миномётная рота. Так, известно, что в 198-й сд была 380-я отдельная рота связи. Вместе с тем, упоминаний А.А. Чечулина в именных списках безвозвратных потерь, размещённых на портале, не найдено.

92. ЦАМО. Ф. 8520. Оп. 42978. Д. 1. Л. 122, 159, Оп. 43320. Д. 7. Л. 73 (<https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero100966125/>).

93. При подготовке описания военных событий использованы архивные документы с портала «Память народа»: Боевой путь 1029-го сп 198-й сд 54-й А Волх. фронта (ЦАМО. Ф. 7694. Оп. 461408. Д. 12), Журнал боевых действий 1029-го сп 198-й сд (ЦАМО. Ф. 7694. Оп. 207936. Д. 1), Оперативные сводки штаба 198-й сд (ЦАМО. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 21). Журнал боевых действий

Волх. фронта (ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 1306), а также материалы из открытых источников: Мосунов В. Прорыв у Смердыни (<https://warspot.ru/13156-proryv-u-smerdyuni>, дата обращения 22.08.2022), Прокофьев И.Г. Советская авиация в боях над Красным Бором и Смердыней. Февраль-март 1943 г. (http://www.airforce.ru/history/ww2/prokofjev/page_05.htm, дата обращения 22.08.2022).

94. ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 1293. Л. 83.

95. Вот отсюда и пошла эта путаница с названием деревни, около которой он был захоронен. Должно быть Смердыня.

96. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 532. Л. 36.

97. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Берёзовая_аллея_\(братское_захоронение_советских_воинов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Берёзовая_аллея_(братское_захоронение_советских_воинов)) (дата обращения 25.08.2022).

98. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 39. Л. 30 об-31.

99. Подбивать квашню – перемешивать тесто.

100. Пригон – отгороженное место для скота; загон [НСРЯ].

101. Околица – изгородь вокруг или у края деревни; край деревни [ТСОШ].

102. Пойло – питательное питьё для скота, приготовленное из пищевых отходов.

103. Отец Марии Васильевны Гусельниковой (Андреевой). Был репрессирован и погиб в лагерях ГУЛАГа. Приблизительно в 1990 г. реабилитирован.

104. Копнить – складывать в копны; копна – небольшой округлый стог сена, снопов [ТСОШ]. Веять – очищать обмолоченное зерно от мякины и сора на веялке или подбрасывая его деревянной лопатой в направлении против ветра [ТСОШ]. Подскребать – собирать остатки сена.

105. Промкомбинат организовали во время войны, на нём катали пимы для армии.

106. Согласно свидетельству о браке, брак зарегистрирован Песчанским сельсоветом 10.10.1950.

107. Шаньга – печеное изделие в виде ватрушки или сдобной лепешки [НСРЯ].

108. Загнётка, загнётка – здесь: углубление в шестке русской печи, куда сгребают горячие угли, жар [СРГ НСО]. Шесток – в русской печи: широкая площадка между челом (сводчатое топочное отверстие) и топкой [ТСОШ]. Дедушка пояснял: в загнётку сгребали горячую золу и древесные угли и там в течение дня разогревали кашу, щи, супы и другую пищу.

109. Красна, кросны – ручной ткацкий станок [СРГ НСО].

110. Отбьгать – высохнуть на ветру [СРГ НСО].

111. Подробная биография см.: Барсуков И.И., Йолтуховский В.М., Кондрашов А.В. Адмиралы и генералы Военно-морского флота. Руководители структур политической и воспитательной работы. Биографические хроники (1917–2013). М.: Клуб адмиралов, Кучуково поле, 2014. С. 394.

112. ГАТО. Ф. 3 Оп. 44 Д. 2913. Л. 2 об-3, 4 об-5.

113. ГАТО. Ф. Р-240. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

114. Хлёбово – жидкая пища, похлёбка.

115. Скирдовать – складывать в скирду. Скирда – плотно сложенная, сужающаяся кверху масса сена, соломы или снопов (в том числе рулонов или брикетов) зерновых культур, продолговатой прямоугольной двускатной формы, предназначенная для длительного хранения под открытым небом.

116. Когда его нашли, ладони у него были поцарапаны – наверное, он пытался ползти к лошади.

117. Клавдия Васильевна Кетова – дочь Марии, сестры Анны Даниловны.

118. Коек и кроватей в то время в деревне не было. Спали на полу, на русской печи и на полотах.

119. В центре Данила Петрович, слева от него жена Мавра Андреевна; слева сидит старший сын Афанасий Данилович, рядом стоит его жена Анна Ивановна (Прасковья Терентьевна?); справа сидит младший сын Михаил Данилович, рядом с ним стоит его жена Прасковья Терентьевна; сзади стоят дочери Мария Даниловна (в замужестве Кетова, положила руку на плечо Данилы Петровича) и Анна Даниловна; снизу стоят младшая дочь Клавдия Даниловна и сын Василий Данилович.